

вовсе не остановился бы на этой совершенно невозможной «этимологии» Педерсена, если бы примѣръ Бернекера не показалъ, что она въ концѣ концовъ все-таки можетъ войти въ обиходъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. Другихъ же примѣровъ для *sz-* изъ *ks-* Педерсенъ намъ не даетъ; предположенное ¹⁾ I. Шмидтомъ KZ. XXV, 125² родство лит. *szūsti* «прѣть» съ древне-врхн. *siodan* и др. «кипѣть» кажется правдоподобнымъ, но самъ Педерсенъ JF. V, 81¹ допускаетъ возможность, что въ началѣ этого корня было (не велярное, но) палатальное *k*, которое само всегда даетъ въ литовскомъ языкѣ *sz*. Torbiörnsson сопоставляетъ (Gemeinslav. Liquidamet. II, 29) лит. *szerti* «кормить» (обыкновенно и болѣе правдоподобно сопоставляемое съ гр. *χόρος* «насыщеніе» и др.) съ црксл. *храна* «cibus» и *хранити*, не высказываясь однако, какъ онъ себѣ представляетъ отношеніе лит. *sz-* къ слав. *x-*; и что это сопоставленіе невѣроятно и въ семазіологическомъ отношеніи, показываетъ Бернекеръ въ своемъ этимологическомъ словарѣ. Не менѣе проблематично предположенное Погодинымъ РФВ. XXXII, 274 сл. родство лит. *szēpti* «споспѣшествовать» (которое трудно отдѣлять отъ гот. *hilpan* «помогать») съ црксл. *хланъ* «холопъ», ср. словарь Бернекера. Числительное же *szeszi* «шесть» удовлетворительно объясняется ассимиляціею *s-* къ *-sz-*, о которой ср. Brugmann Grdr. I², 786.

Итакъ, приходится мнѣ констатировать, что не нашелъ я ни одного хоть сколько-нибудь убѣдительнаго примѣра для перехода

¹⁾ Это же предлагаютъ также Фортунатовъ ВВ. III, 71 (только что здѣсь вмѣсто *siodan* дается *swēdan* «verschwelten» и лит. *š-*, какъ и у Шмидта I. с., выводится не изъ *ks-*, но изъ *s-*), Froehde ВВ. XXI, 330 (*š-* изъ *ks-*) и Brugmann Grdr. I², 790 (*š-* изъ *kʰ-*). Возраженія же Charpentier KZ. XL, 428 сл., оспаривающаго эту этимологію только потому, что по его мнѣнію изъ *kʰ-* въ германскомъ не получается *s-*, не убѣдительны, такъ какъ онъ не приводитъ хоть сколько-нибудь достовѣрныхъ примѣровъ, которые бы противорѣчили гипотезѣ о переходѣ *kʰ-* въ *s-*. Въ указанномъ мѣстѣ (теперь ли еще, неизвѣстно) Фортунатовъ еще и въ нѣкоторыхъ другихъ литовскихъ словахъ возводитъ *š(v)-* къ *sv-*, наприм. въ *šūpti* «гнить», сближая это слово съ гр. *σῦπειν* «гноить» (это же затѣмъ предлагаетъ и Zupitza ВВ. XXV, 92 сл., возводя *σ-* въ *σῦπειν* къ *ksv-*); и здѣсь можно думать о *š-* изъ *kʰ s-*, насколько эти сопоставленія правильны, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, которые приводитъ Zupitza I. с.

въ литовскомъ языкѣ *ks-* въ *sz-*. Но есть примѣры съ *sk-* вмѣсто *ks-*. Коршъ въ AfslPh. VII, 101² выставилъ гипотезу, по которой въ балтійскихъ языкахъ изъ *ks-* путемъ перестановки правильно получается *sk-*, ссылаясь на лит. *skùsti*¹) «скоблить» (*baĩzda skùsti* «брить бороду», лат. *skust* или *skuīt* «брить»): гр. ξύειν «скоблить» (ξύρον или ξυρός, скр. *kšurá-s* «Schermesser», можетъ-быть, отъ корня *ges-* «чесать»). Ср. еще скр. *kšā'uti* «чихаетъ»: лит. *skiaudėti* «чихать» (лат. *šk'aut* и *šk'aĩditi* или *šk'audėti* сами по себѣ могли бы имѣть *šk'-* также изъ *stj*, ср. лит. *čiaudėti* или *čiaudyti* и діал. *šćáušći* «чихаетъ» у Буги Aist. Stud. I, 42; но *šk'evas* «чихъ», кажется, говорить скорѣе въ пользу *šk'-* изъ *sk-*); скр. *kšūbhyati*, *kšō'bhatē* «schwankt, zittert» *kšōbhayati* «versetzt in Bewegung, regt auf»: лит. *skūbinti*, лат. *skubināt* «торопить» (гот. *-skiuban* «пихать, толкать»); скр. *kšālayati* «wäscht», *pari kš.* «spült ab» (обыкновенно этотъ глаголь отождествляется съ скр. *kšārayati* «lässt fließen» отъ *kšārati* «течетъ» съ иде. *r*): лит. *skalauti*, лат. *skaluót* «полоскать», ср. Zupitza, Die german. Gutturale 47 (нѣтъ достаточнаго основанія считать это балтійское слово заимствованнымъ изъ нижненѣмецкаго языка, къ чему склоненъ Leskien Bild. d. Nomina 216; но родственными—съ лишнимъ *v*—могутъ быть германскія формы, приведенныя у Фика Vrgl. Wrth. III⁴, 477). Сюда, можетъ-быть, относится (съ чередованіемъ *v*/*o*:*u*) и лит. *skūjos*, лат. *skujas*: р. *хвоа*, *хвой* и друг. (если тутъ *x-* изъ *ks-*; ср. Uhlenbeck JF. XVII, 98). Что мы въ такихъ случаяхъ дѣйствительно имѣемъ дѣло съ перестановкою *ks-* въ *sk-*, въ пользу этого говорятъ аналогичные случаи *sp-* изъ *ps-*²), указанныя Коршемъ l. c. Изъ приведенныхъ

¹) Сопоставленіе этого слова съ латинск. *securis* «сѣкира» и др. (наприм. у Фика Vrgl. Wrth. III⁴, 471) въ семазіологическомъ отношеніи менѣе удовлетворительно.

²) При наличности *ks-:sk-* и *ps-:sp-* ожидается также *ts-:st-*; признавая это, можно объяснить нѣсколько до сихъ поръ загадочныхъ случаевъ съ *s-* (изъ *ts-):st-*. Такое *ts-* мы еще встрѣчаемъ въ скр. *tsārati* „schleicht“, которое Osthoff ВВ. XXII, 257 правдоподобно сопоставляетъ съ однозначнымъ лит. *selėti*. Начальное *t-* онъ выводитъ изъ префикса (*a*)*d-*, который находятъ также въ др.-врхн. *zagēn* (: гот. *agan* „бояться“, др.-прл. *ad-agur* „боюсь“) и *zougen* (: гот. *at-angjan* „показывать“). По моему, это крайне сомнительно; такъ какъ *a* обыкновенно не теряется въ неударяемомъ положеніи, и префиксъ **d* слишкомъ без-

имъ примѣровъ вполне убѣдительнымъ является по крайней мѣрѣ лит. *spākas* «капля»: гр. *ψακάς* «капелька»; ср. также Johansson JF. XIV, 326 сл. Кречмеръ, считающій KZ. XXXI, 438 сл. примѣры вродѣ *spākas*; *ψακάς* за «nicht überzeugend» (мотивы не указаны; да и трудно было бы ихъ найти при полномъ тождествѣ значенія и — за исключеніемъ чередованія *sp-:ψ-* — звукового состава корня), самъ I. с. признаетъ соотвѣтствіе *sk-:κτ-* (горт. *κατασκέυη:κτείνω*; ср. скр. *kṣarōti* «ранить») и *sp-:φθ-*; но ограничиваться этими лишь соотвѣтствіями нѣтъ никакого основанія въ виду приведенныхъ выше примѣровъ вродѣ лат. *skūt*; гр. *ξύειν* и др. И поэтому по крайней мѣрѣ нѣкоторые языковѣды (наприм. Brugmann I², 867, Wackernagel Altind. Gr. I, 241) склонны думать, что уже въ индоевропейскомъ праязыкѣ чередовались *sk-:ks-* «nach bestimmten satzphonetischen Gesetzen». Съ другой стороны Кречмеръ I. с. 415 слл. полагаетъ, что уже въ общемъ праязыкѣ въ

тѣлесенъ для того, чтобы онъ могъ быть въ употребленіи. По той или другой причинѣ глаголы вродѣ *ataugjan* могли разсматриваться говорящими какъ **ataugjan*, въ данномъ случаѣ, можетъ-быть, подъ вліяніемъ *teig-:toig-*, откуда др.-врхн. *zeigōn* «показывать», — послѣ чего появился и простой глаголъ съ начальнымъ *t-(>z-)*; ср. н. діал. *bagnic sie* изъ *ob-agnic sie* «ягниться» и друг. А въ угоду этой этимологіи *t-* (въ *tsārati*) нѣкоторые языковѣды, наприм., Uhlenbeck въ своемъ санскритскомъ этимологическомъ словарѣ, переводятъ этотъ глаголъ „schleicht heran“. Что значеніе его просто „schleicht“, показываютъ производныя формы *tsāru-* „ein schleichendes Tier“ и *tsārīn-* „schleichend“; да и Böhtlingk и Roth въ своемъ словарѣ на первомъ мѣстѣ даютъ „schleichen“, только какъ переходящій глаголъ съ дополненіемъ въ вин. падежѣ перевода его „heranschleichen an, beschleichen, erschleichen“, такъ какъ н. *schleichen* при себѣ вин. падежа не можетъ имѣть. Допуская перестановку *ts-* въ *st-*, мы съ скр. *tsārati*, лит. *selėti* (съ *s-* изъ *ts-*) можемъ сопоставить гот. *stilan* „красть“ (ср. переводъ „erschleichen“ для *tsārati*) и латинск. *stellio* „кознодѣй“; „ящерица“ (ср. скр. *tsāru-* „ein schleichendes Tier“). Съ скр. *tsāru-* „рукоятка“ ср. однозначашее гр. *στελέα*, др.-англ. *stela* „стебель“ и др. Далѣе такимъ путемъ удовлетворительно объясняется отношеніе лит. *stirna*, лат. *stiŋna* къ прксл. *срына*, старолат. *sirna* (ср. выше, стр. 5); р. *смеречь, сморожь* и др. къ лит. *sėrgėti, sargas* и др.; прксл. *срына* къ лит. *siena* „сѣна“; гот. *stōls* „стулъ“, англ. *stool* „скамейка“ и др. къ лит. *sūolas* „скамейка“. Затѣмъ лит. *stuomū* „Statur, Körperlänge“ (но въ корнѣ засвидѣтельствовано, наприм., формою gen. s. *stūmenies* у Даукши Post. 169, 1) можетъ быть родственно съ гр. *σῶμα* „тѣло“, если въ греческомъ языкѣ изъ *ts-* получается *σ-*; сопоставленіе *εἶλι-* въ *εἰλίποδας* (*ἐλίζας βοῦς*) съ скр. *tsārati* слишкомъ проблематично.

нѣкоторыхъ случаяхъ—при неизвѣстныхъ намъ условіяхъ—*ks-* и *ps-* утратили *k-* и *p-*, ссылаясь при этомъ на цѣлый рядъ примѣровъ. Примѣры эти, правда, не всѣ одинаково убѣдительны. Греческія формы съ *σ-* (при *ξ-*, *ψ-*) скорѣе всего утратили начальное *k-*, *p-* (при неизвѣстныхъ намъ условіяхъ) на греческой почвѣ, такъ какъ иначе ожидалось бы вмѣсто *σ-* густое придыханіе (Кречмеръ I. с. 422 сл. напрасно оспариваетъ общепринятый законъ о греческомъ переходѣ всякаго *s-* въ *h-*). Лит. *sù* «съ», которое Кречмеръ I. с. 416 вмѣстѣ съ црксл. *съ*, *сѣн-* отождествляетъ съ греч. *ξύν*, *σύν*, *ὄν-* (въ *ὕγ-γεμος*: *συλλαβή*), по моему мнѣнію скорѣе сокращено въ проклитическомъ положеніи изъ **suo* (изъ иде. **sō*, при *so*, откуда лат. и лит. діал. *sa-*, гр. *ὀ-*, ср. мои Латышскіе предлоги I, 196), какъ *nù* «отъ» изъ *niō*. Если же при *sù* не сохранилось **suo*, между тѣмъ какъ при *nù* имѣется *niō*, то это, во-первыхъ, можетъ быть объяснено различіемъ въ интонаціи (**suiō* могло имѣть акутъ); далѣе *niō* держится благодаря формѣ префикса *niō-* въ сложныхъ именныхъ формахъ, между тѣмъ какъ вмѣсто **suo-* въ этомъ положеніи употребляется *sán-*. Кромѣ того, въ литовскомъ языкѣ теперь *niō* встрѣчается почти только въ качествѣ предлога, тогда какъ въ качествѣ глагольнаго префикса извѣстно почти только (и въ большинствѣ говоровъ даже исключительно, ср. мои Латышскіе предлоги I подъ *niō*) *ni-* (изъ *niō-*); а что же до *sù*, то первоначально, кажется, это слово употреблялось только въ сложеніи съ глаголами; творительный же падежъ, при которомъ теперь въ извѣстныхъ случаяхъ ставится *sù*, вѣроятно употреблялся въ этомъ же значеніи безъ предлога «съ» (въ пользу этого говорить между прочимъ и то обстоятельство, что славяно-балтійскіе языки расходятся въ формѣ этого предлога, ср. црксл. *съ*, вѣроятно изъ **som*, лит. *sù*, лат. *ar*, пр. *sen*). Въ случаѣ же родства съ гр. *ξύν*, *σύν* вмѣсто *sù* скорѣе ожидалось бы **sū*, ср. *ī* «въ» изъ *in* (акутъ въ такомъ положеніи мнѣ неизвѣстенъ; интонація въ *sán-* стоитъ въ связи съ *niō-*, *prīe-* при *niō*, *prīē*). Црксл. же *съ*, *сѣн-* (возводитъ которыя къ **som* по крайней мѣрѣ не представляется невозможнымъ; въ префиксѣ *сѣн-* ъ вмѣсто о могло явиться подъ вліяніемъ предлога) трудно отдѣлять отъ *сѣ-*,

а послѣднее отъ лит. *sán-*. Гр. же *ῥύν* (*óv*), можетъ-быть, возникло путемъ смѣшенія ¹⁾ однозначащихъ **kom* (перешедшаго въ италійскіе и кельтскіе языки) и **sum* (ср. *ὑγ-γεμος*; на мѣстѣ первоначальнаго **som*); **sum* же, можетъ-быть, является результатомъ контаминаціи формъ **som* и **su* (скр. *su-* «хорошо»), сходныхъ иногда по значенію въ сложныхъ именныхъ формахъ (такъ относительно прксл. *сѣ-дравъ* нельзя достовѣрно рѣшить, тождественно ли его *сѣ-* съ скр. *su*, или же съ скр. *san*; и лит. *su-*, наприм. въ *suguldus* «ordentlich», *supràstinas* «verständlich», *suvarus* «leicht verdaulich», представляя собою конечно обычный глагольный префиксъ *su-* «сѣ», по значенію своему очень походить на скр. *su*). Латинскія же слова съ *s-* изъ *ks-*, *ps-*, приведенныя Кречмеромъ I. с. (наприм. *super*, *sub*, если въ нихъ *s-* изъ *[e]ks-*), могли утратить свое *k-*, *p-* на италійской почвѣ. Доказательную силу имѣютъ только греческія формы съ *h-* и праарійскія формы съ *s-*, рядомъ съ которыми мы находимъ *ks-*, *ps-*, какъ гр. *ῥυαθος* (путемъ дисимилиаціи изъ **ῥυαθος*, ср. Kretschmer I. с. 420): *ψάμαθος*, др.-врхн. *sant* «песокъ», и иде. **(s)uēk̑s* при **qs(u)ek̑s* «шесть» (откуда, вѣроятно, ав. *xšvaš*), о которомъ ср. J. Schmidt KZ. XXV, 121¹, Hübschmann KZ. XXVII, 105 сл. и de Saussure MSL. VII, 73 слл. Бругманъ же Grdr. II², 2, 17, вѣроятно подъ вліяніемъ Педерсена JF. V, 77 и 86 и KZ. XXXVIII, 229, предполагаетъ только форму безъ *q-*: «**s(u)ek̑s* oder ähnlich»; при этомъ наблюдается нѣкоторая склонность объяснять *š-* въ восточно-индоевропейскихъ языкахъ вліяніемъ семитскихъ языковъ (ср. евр. *šeš* «шесть»), ср. Kretschmer KZ. XXXI, 419 и Brugmann Grdr. I², 733. Но думать тутъ о семитскомъ вліяніи я считалъ бы позволительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы мы иначе не могли себѣ объяснить звукового состава этого числительнаго въ индоевропей-

¹⁾ Подобнымъ образомъ, можетъ-быть, возникли прксл. *скакати* путемъ смѣшенія корней *k̑āq-* (лит. *šokti* „прыгать“, ав. *sačaiti* „проходить“) и *qāq-* (ср. напр. прасл. **cěva*: лит. *šeivà*, лат. *saiva* „цѣвка“, и *скоръ* смѣшеніемъ корней *qor-* и *k̑or-* (ср. лит. *šarnus* „скорый“ у Фортунатова ВВ. III, 70). Такъ, можетъ-быть, и прксл. *стнь* изъ *стнь* + *тнь*, ср. Vondrák, Vergl. slav. Gr. I, 349 и Rozwadowski, Zbornik u slavu Jagića 306 сл.

скихъ языкахъ. Признавая же возможность отпаденія *k*- передъ *s*-, мы понимаемъ всѣ формы этого числительнаго или, по крайней мѣрѣ, взаимное отношеніе согласныхъ въ его началѣ. А безъ начального *k*- мы не можемъ обойтись, если бы даже начальное *š*- въ восточно-индоевропейскихъ языкахъ объяснялось семитскимъ вліяніемъ. Относительно ав. *xšvaš*, правда, нѣкоторые языковѣды, наприм. Bartholomae, полагаютъ, что *x*- въ немъ является такимъ же приставнымъ звукомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ передъ *š*-, за которымъ слѣдуетъ согласный. Но въ такомъ случаѣ приходится объяснять *š*- въ **švaš* (вмѣсто ожидаемаго **hvaš* или **xʷaš*) или семитскимъ вліяніемъ, или же путемъ ассимиляціи изъ **svaš*. А существовала ли вообще когда-либо послѣдняя форма, этого мы не знаемъ: предполагаемое Бругманомъ для арійскаго праязыка *χś* (изъ индоевропейскаго *k̑s*) могло въ иранскомъ праязыкѣ еще существовать послѣ перехода *sv-* въ *hv-*. Ассимиляція же *s-* въ **svaχś* къ конечному *-š* (послѣ *χ*), можетъ-быть, возможна, но нуждается въ подтвержденіи аналогичными примѣрами¹⁾. Что же до скр. *šat* (съ *-t* изъ *-š*, ср. Wackernagel Altind. Gr. I § 149aγ), то его начальное *š*- конечно вполне удовлетворительно объясняется и путемъ ассимиляціи *s-* (въ **saš*) къ *-š*, ср. Wackernagel l. c. § 197a; но можно думать также, какъ это дѣлаетъ de Saussure l. c. 76, о возникновеніи **šakš* путемъ диссимиляціи изъ **kšakš* (изъ иде. **qsek̑s*). Арійскія формы, значить, болѣе или менѣе двусмысленны при рѣшеніи вопроса о праиндоевропейской формѣ этого числительнаго; но за то ясно указываютъ на начальное *k*- греческія формы *ξέστης* «sextarius» и *ξέστης χοιθῆ· ἢ ξέδοτιχος* (гдѣ *-στης* сопоставляется съ латинск. *striga* «черта, полоса» и др.). Педерсенъ, правда, такъ «разъяснилъ» ихъ, что Бругманъ Grdr. II² 2, 17 сл. даже не упоминаетъ о нихъ. «Man hat ein jdg. **ksek̑s* auf Grund des griechischen *ξέστης* *ξέστης* ansetzen wollen; aber diese Formen sind ganz unklar; wenn sie echt griechisch sind, so muss man fragen, warum sie nicht **ξέχτης* **ξέχτης* lauten; man muss die Möglichkeit offen halten, dass sie aus **sekst...* durch einen Umsprung der

¹⁾ Въ н. діал. *šunšt* изъ *sunšt* „sonst“ (у Бругмана KVG. 239¹) нѣсколько иныя фонетическія условія.

Laute entstanden sind (falls ξ nicht griechische Wiedergabe eines fremden š sein sollte)» JF. V, 77. И нѣсколько позже онъ, уже вполне увѣренный въ правильности своихъ предположеній, заключаетъ: «wir haben also als idg. *svēk's* und *sek's* anzusetzen». Если ξέστυς и ξέστυριξ неясны для языковѣда, то это еще не можетъ служить причиною отрицать иде. **qs(ŭ)ek's*. Неясно же въ нихъ для Педерсена, кажется, главнымъ образомъ -στυ- вмѣсто ожидаемаго имъ -κτ-. Но если вышеуказанная этимологія слова ξέστυριξ правильна, — и въ семазіологическомъ отношеніи она весьма правдоподобна, — то изъ **ξέξ-στυριξ* скорѣе всего и могло получиться именно ξέστυριξ. Между κ и τ выпадаетъ σ, но что изъ ξστυ (которому, кромѣ того, предшествуетъ слогъ ξε-) тоже обязательно получается κτρ, не можетъ быть доказано; и въ данномъ случаѣ сверхъ того мѣшала утрата σ прозрачная связь второй части этого слова съ предполагаемымъ этимологіею **στυριξ*. Что же до ξέστυς, если въ немъ дѣйствительно заключается числительные **ξέξ*, то можно думать, что послѣ перехода κστ въ κτ въ **ξέκτυς* подъ влияніемъ **ξέξ* снова было введено -ξ- вмѣсто -κ-, послѣ чего уже было утрачено -κ- передъ -στυ- (ср. Osthoff JF. VIII, 13); ср. также бэот. ἐξ (=έξ)τῶν, ἐσκηδέκατος и др. Выводить же ξέστυ- путемъ перестановки изъ **sekt-* (столь необыкновенная перестановка нуждается въ параллеляхъ), или объяснять тутъ ξ- иноязычнымъ происхожденіемъ этихъ формъ — принужденъ только тотъ, который, подобно Педерсену, не признаетъ формы **qs(ŭ)ek's* для индоевропейскаго праязыка. Выходитъ почти, что Педерсенъ разсуждаетъ приблизительно такъ: въ иде. праязыкѣ имѣлось только **s(ŭ)ek's*; гр. же ξέστυριξ ничего не доказываетъ въ пользу иде. **qs(ŭ)ek's*, такъ какъ оно можетъ быть заимствовано; считать же эту форму заимствованіемъ позволительно въ виду того, что въ иде. праязыкѣ имѣлось только **s(ŭ)ek's*. А между тѣмъ, не прибѣгая къ иноязычному вліянію, также š- въ праславянскомъ **šestь* мы можемъ возводить только черезъ x- къ ks-. Педерсенъ, правда, полагаетъ JF. V, 77, что праслав. **šestь* получилось изъ **šeštь* путемъ ассимиляціи изъ **seštь* съ -š- изъ -k's- черезъ t. Но правило о переходѣ k's передъ t въ š придумано имъ исключительно на основаніи этого самаго *шесть*. И оно невѣроятно даже

само по себѣ, такъ какъ изъ *ks* во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ (вродѣ *ось*) получается въ славянскомъ только *s*. Слѣдующее же за нимъ *t* не оказываетъ въ славянскихъ языкахъ никакого вліянія на судьбу стоящаго передъ нимъ *s*; да и въ арійскихъ языкахъ и въ литовскомъ *s* передъ согласными обращается въ *š* только послѣ тѣхъ же звуковъ, которые вызываютъ переходъ *s* въ *š* передъ гласными. Педерсенъ такъ упорно высказывается противъ иде. **qs(ц)ek s* въ виду гр. *ῥῥ*; но вѣдь *ῥῥ* при *ῥῥ* совершенно однородно съ **ῥῥ* при *ῥῥ*: оба примѣра взаимно поддерживаютъ другъ-друга. Какъ въ послѣдствіи на греческой почвѣ рядомъ съ *ῥ*, *ψ*- появляется и *σ*-, такъ же могло имѣть мѣсто аналогичное явленіе и въ эпоху индоевропейскаго праязыка. А что уже въ иде. праязыкѣ рядомъ съ **(q)s(ц)ek s* появилось и *(s)cek s*,— должно-быть, благодаря чередованію въ цѣломъ рядѣ случаевъ формъ съ *s*- съ формами безъ *s*-,—на это указываютъ (помимо арм. *veths* «шесть» съ неяснымъ *v*-) др.-пр. *uschts* «шестой» (съ *u*- изъ иде. неударяемаго *ce*), лит. *uszės* (съ *ū*- или *ū*-?) «Kindbette», *ūszininkė* «Sechswöchnerin». То, что говоритъ Педерсенъ JF. V, 86 и KZ. XXXVIII, 229 объ арм. *veths* и др.-пр. *uschts*, и само по себѣ слишкомъ проблематично, и не такъ легко можетъ быть примѣнено къ лит. *uszės*, *ūszininkė* (что эти слова заимствованы изъ древне-прусскаго языка, это недоказанная и излишняя догадка). Ср. еще указанное Кречмеромъ KZ. XXXI, 419 отношеніе ав. *xšviwra* «быстрый»: скр. *kšiprá-s* «быстрый»: др.-исл. *svifa* «двигаться»: скр. *vépatē* «дрожить» и др., и Solmsen Unters. z. griech. Laut- und Verslehre 209 и Charpentier JF. XXVIII, 179 сл.

Итакъ, я прихожу къ заключенію, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ начальное *ks*-, сохраняясь въ части случаевъ, въ другихъ случаяхъ при неизвѣстныхъ намъ условіяхъ или подвергалось перестановкѣ въ *sk*-, или же упрощалось въ *s*-. При этомъ отдѣльные говоры вѣроятно расходились; на это указываетъ, повидимому, то обстоятельство, что въ арійскомъ праязыкѣ и въ греческомъ преобладаетъ *ks*- и въ латинскомъ *s*-, которое могло на италійской почвѣ образоваться изъ того же *ks*-. Въ германскихъ же языкахъ мы встрѣчаемъ одинаково и *s*-, которое можетъ восходить къ болѣе

древнему прагерманскому *ks-* (или *hs-*; наприм., въ древне-врхн. *siodan*), и *sk-* (наприм. въ гот. *-skiuban*). Что же касается славянскихъ и балтійскихъ языковъ, то было указано нѣсколько славянскихъ формъ съ *x-* и нѣсколько балтійскихъ словъ съ *sk-*, которымъ въ родственныхъ языкахъ соотвѣтствуютъ формы съ *ks-*. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ славянскихъ языкахъ вовсе нѣтъ словъ съ *sk-* изъ *ks-* (съ перестановкою до возникновенія *x*) и въ балтійскихъ языкахъ словъ съ *s-* изъ *ks-* (или, можетъ-быть, также съ *sz-* въ литовскомъ, если *k-* отпало въ нѣкоторыхъ словахъ только послѣ перехода *s* послѣ *k* въ *sz*): съ скр. *kšobhatē* нѣкоторые языковѣды сближаютъ между прочимъ и прксл. *скубѣ* «vello», а съ другой стороны также лат. *šautbitiēs* «колебаться» и (?) лит. *siautbti* «umherrsassen, toben» (Bezzenberger GGA. 1898, 551¹ и Trautmann KZ. XLIII, 109). Старое діалектическое различіе сказывается развѣ только въ томъ, что въ тѣхъ говорахъ, изъ которыхъ возникли славянскіе языки, какъ и у юго-восточныхъ индо-европейцевъ, чаще, чѣмъ у лингвистическихъ предковъ балтійскихъ племенъ, сохранялось *ks-*, если только это дѣйствительно такъ: изъ балтійскихъ языковъ мы не знаемъ формы, соотвѣтствующей прксл. *худѣ* ¹⁾, славянскіе же языки, насколько мнѣ извѣстно, не знаютъ словъ, которыя бы соотвѣтствовали лит. *skūsti*, лат. *skuīt*, лит. *skiaudeti* и *skalauti*.

Вернемся послѣ этого отступленія къ литовскому *sz* изъ *s*. Какъ выше (стр. 29) уже сказано, Педерсенъ I. с. полагаетъ, что также послѣ *i* и *u* въ литовскомъ языкѣ первоначально получилось *sz* изъ *s*, при чемъ это *sz* сохранилось только послѣ нисходящей интонаціи, перейдя послѣ восходящей интонаціи обратно въ *s* ²⁾. А priori это не особенно правдоподобно, такъ какъ трудно было бы объяснить вліяніе интонаціи на сохраненіе или устраненіе *sz*; но рѣшающаго значенія это соображеніе конечно не имѣетъ: наше отношеніе къ гипотезѣ Педерсена должно зависѣть главнымъ образомъ отъ пред-

¹⁾ Ср. впрочемъ п. *chybaē* «sich hin und her bewegen, schwenken»: лит. *sūbōti* «schaukeln» Trautmann KZ. XLIII, 109.

²⁾ Эту гипотезу Педерсена признаютъ и другіе, наприм. Mikkola BV. XXII, 245, Trautmann Altpr. Spr. § 73.

ставленныхъ имъ примѣровъ. Въ пользу *sz* изъ *s* послѣ нисходящей интонаціи Педерсенъ приводитъ: *jűszė* «уха», *műszas* «ein aus Schnüren gestricktes Heunetz», *űszkus* «ясный», *raiszkus* «явный», *jűszkau* «ищу», *rieszutas* «орѣхъ», *szűksztas*¹⁾ «колода», *kűdszė* «черепъ» (: древне-исл. *hauss* «черепъ»). Всѣ противорѣчающіе этому примѣры Педерсенъ старается лишить доказательной силы. Относительно *s* въ *klűsiu* «спрашиваю» онъ ссылается на восходящую интонацію въ родственномъ *klausau* «слушаюсь», и съ этимъ можно было бы согласиться. Ошибается однако Педерсенъ, объясняя также *s* въ *jűsű* «васъ» (и *műsű* «насъ») и въ суффиксѣ превосходной степени *-űdsias* ссылкой на восходящую интонацію въ *jűs* «вы» и въ суффиксѣ нарѣчія сравнительной степени *-iűs*. Въ этихъ случаяхъ нисходящая интонація несомнѣнно древнѣе, какъ относительно лит. *jűs*²⁾ показываютъ и лат. *jűs*³⁾ «вы» и пр. *iűs*; ср. статью Фортунатова ВВ. XXII, 161; лит. *jűs* и *-iűs* получили восходящую интонацію только благодаря литовскому правилу о переходѣ нисходящей интонаціи въ восходящую въ тѣхъ конечныхъ слогахъ, гдѣ долгота не сокращена (ср. наприм. п. *pl. tiė* «тѣ», *kuriė* «которые» при *gerieji* «хорошіе», или III л. *gűs* «получить», *siűs* «будетъ шить» при I л. *gűsiu* «получу», *siűsiu* «буду шить», ср. наприм. Bezzenberger ВВ. X, 202 слл.), къ чему я вернусь въ другомъ мѣстѣ. Въ виду отношенія *jűs* къ *jűsű* Педерсенъ не считаетъ *lűsė* «лѣха» за «unüberwindliches Hindernis» для своей теоріи; «denn auch bei diesem Wort kann ja eine Veränderung der Tonqualität statt gefunden haben». Но долгіе корневые гласные вообще, какъ извѣстно, обыкновенно являются съ акутомъ, и затѣмъ рѣшительно нельзя тутъ придумать, какимъ путемъ въ этомъ словѣ могъ появиться акутъ вмѣсто циркумфлекса. Педерсенъ ссылается на отношеніе лит. *vűkas*, скр. *vűka-s* (съ удареніемъ на первомъ слогѣ) «волкъ» къ лит. *vűkė*, скр. *vűkī* (съ конечнымъ удареніемъ) «волчица»; но, во-первыхъ, нѣтъ никакого основанія считать *lűsė* за первоначальное oxytonon (въ р. *lűxá*

1) Здѣсь *ű* скорѣе вызвано предыдущимъ *k*, ср. лат. *sűksta* «валежина».

2) Съ восходящею интонаціею.

3) Съ длительною интонаціею.

другая вокализация и другое окончание, и есть въдъ литовскія слова на -*ė* съ удареніемъ на концѣ!), и, во-вторыхъ, отношеніе лит. *diėvas*: скр. *devá-s* «богъ» показываетъ, что не всѣ литовскія слова, соотвѣтствующія формамъ родственныхъ языковъ съ удареніемъ на концѣ, имѣютъ акутъ въ корнѣ (относящіяся сюда гипотезы Беценбергера ВВ XXI, 296 сл., построенныя на слишкомъ недостаточномъ количествѣ примѣровъ, не могутъ считаться доказанными). И если Педерсенъ только въ угоду своей теоріи считаетъ тожество лит. *liesas* «худой (худощавый)» съ р. *лихой* за «höchst problematisch»¹⁾, самъ сопоставляя литовское слово съ древне-исл. *leidr* «unlieb, abscheulich», то это уже явное насилие надъ естественною связью словъ, и если бы мы тутъ пошли за Педерсеномъ, то (говоря его же словами JF. V, 80) «würde ...die empirische Forschung aufhören, und man würde nur die Ergebnisse gewinnen, die man gewinnen wollte». И совершенно умалчиваетъ Педерсенъ о лит. *Prūsas* «прусакъ», *vėlūstas* «поздній», *miegūstas* «сонливый» и др., ср. Leskien Bild. d. Nom. 582, *rūstas* «недружелюбный» (:скр. *rōšati* «сердится»), *prūsas* «eine lange Stange». Нельзя, значить, утверждать, что послѣ нисходящей интонаціи *s* послѣ *i*, *u* обращается въ *sz* (къ приведеннымъ Педерсеномъ примѣрамъ съ *sz* я вернусь ниже). А съ другой стороны есть примѣры съ *sz* также послѣ восходящей интонаціи и послѣ краткихъ гласныхъ, которые приводитъ отчасти, но не объясняетъ, самъ Педерсенъ. Имъ приведены: *kermūszė* «wilder Knoblauch» (ср. р. *черемша* и гр. *κρόμμυς* «eine Zwiebelart»), *vėtuszas*²⁾ «старый» (ср. древнер. *вѣтхъ* у Соболевскаго Лекціи⁴ 64), *kriūszā* «градъ» и *kriūszti* «раздроблять» (ср. прксл. *крушати*) и прилагательныя на *-iszkas*³⁾. И славянскому *тѣхъ* соотвѣтствуетъ по значенію и по формѣ (ср. срб. *mĭjek*,

¹⁾ Между тѣмъ онъ самъ говоритъ л. с. 60, что значеніе «allerdings gut stimmen würde».

²⁾ Достоверно, впрочемъ, *ė* не засвидѣтельствовано, ср. Leskien Bild. der Nomina 599; н. s. fem. g. *vėtusza* у Даукши Post. 74, 11 (гдѣ *ę* обыкновенно обозначаетъ открытое *e*) скорѣе указываетъ на *e* (ср. лат. *vecs* «старый») чѣмъ на *ė* (по сообщенію Каз. Каз. Буги въ Ретовѣ употребляется форма *vėtušas*).

³⁾ Объ *š* въ *vaikištis* «дитяtko» ср. Zubatý AfslPh. XIII, 317.

р. п. *mįjeha*) не лит. *māiszas*, но лит. *maĩszas* «большой мѣшокъ» у Шлейхера (по указанію Фортунатова ВВ. XXII, 172) и въ Дусятахъ Лхр. 369, 10, 11, 13 (по сообщенію К. К. Буги также въ Хвейданскомъ, Годлевскомъ и др. говорахъ, рядомъ съ *māisze* «Heupetz» въ Дусятахъ), съ которымъ совпадаетъ относительно интонаціи также лат. *maĩss* съ тѣмъ же значеніемъ. Итакъ, выше изложенная теорія Педерсена о судьбѣ литовскаго *s* послѣ *i* и *u* неприемлема, такъ какъ она не согласуется съ данными языка. Я согласенъ съ Зубатымъ, по мнѣнію котораго (AfslPh. XVI, 404¹) литовскій языкъ сохраняетъ *s* послѣ *i* и *u*; только на мой взглядъ *s* сохраняется послѣ всякаго *i*, *u* (объ одномъ исключеніи будетъ рѣчь ниже), между тѣмъ какъ Зубатый полагаетъ, что послѣ *i*, *u* «als reducirten Vokalen» получается *sz* изъ *s*, ссылаясь на *triszėti* «дрожать» отъ корня *tres-*, *vėtuszas* и (л. с. 416²) *trusza* «навозъ», *triszėti* «удабривать». Съ этимъ я не согласенъ. Въ *triszėti sz* вѣроятно изъ иде. *k*, ср. *trēsėti* «тлѣть». Затѣмъ мы имѣемъ *s* послѣ такого же «редуцированнаго» *i* въ *gristi* «etwas überdrüssig werden», ср. *grasýtis* «sich wovon eckeln». И *u* мы имѣемъ право считать редуцированнымъ гласнымъ только въ сосѣдствѣ плавныхъ и носовыхъ согласныхъ (но не въ *vėtuszas*). Наконецъ, *sz* въ *triszėti*, *vėtuszas* и *trusza* совершенно однородно съ *sz* въ *maĩszas*, *rieszutas* и др., которыя не подходятъ подъ правило Зубатаго и оставлены имъ безъ объясненія. Итакъ, спрашивается, какъ объяснить *sz* вмѣсто ожидаемаго *s* въ положеніи послѣ *i* и *u*? Фортунатовъ, ср. JF. V, 87 и ВВ. XXII, 182, полагаетъ, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ имѣлось два вида *s*, изъ которыхъ одинъ всегда сохраняется въ литовскомъ языкѣ, въ славянскомъ же только въ положеніи не послѣ *i*, *u* (*r*, *k*), послѣ которыхъ получается *x*, другой же всегда даетъ *sz* въ литовскомъ и (не передъ согласными)¹⁾ *x* въ славянскихъ языкахъ. Въ этомъ сказывается та особенность московской лингвистической школы, о которой Бернекеръ AfslPh. XXV, 475 выражается слѣдующимъ образомъ: «Wenn wir alle Differenzen in der lautlichen und formalen Entwicklung der Einzelsprachen, wenn

¹⁾ Ср. Поржезинскій, Къ исторіи формъ спряженія 101 и 111.

sie uns aus ihnen selbst nicht gleich klar werden, auf Verschiedenheiten der Grundsprache zurückführen wollen (und dazu neigt die Moskauer Schule), dann wird diese schliesslich zur grossen Rumpelkammer, in die man getrost alles das sperrt, womit man nicht gleich fertig wird, und zu einer ständigen Verführung, die Fakta, die unsere Entscheidung heischen, einfach an die Instanz zu verweisen, wo uns die Entscheidung nicht mehr zusteht». Придерживаясь этого метода, можно было бы приписывать индоевропейскому праязыку гораздо больше звуковъ, чѣмъ обыкновенно полагають, между прочимъ, еще и третій видъ *s* на основаніи, наприм., латинск. *nasus* «нось» (вмѣсто ожидаемаго **narus*). Кромѣ того, какъ уже указалъ Педерсенъ JF. V, 87, гипотеза Фортунатова невѣроятна и потому, что мы находимъ *sz* вмѣсто *s* въ литовскомъ языкѣ только при опредѣленныхъ фонетическихъ условіяхъ. Уже показано, что *s* переходитъ въ *sz* послѣ *r* и *k*. Затѣмъ я полагаю ¹⁾, что такому же переходу подверглось *s* въ положеніи между *i* и *k*. Это показываютъ прежде всего прилагательныя на *-iszkas* и *jieszkan* «ищу», *sujszko* «fing mit einem Male an zu suchen». Бругманъ Grdr. I², 784, правда, склоненъ видѣть здѣсь заимствованіе изъ германскихъ языковъ, но это и само по себѣ маловѣроятно, ср. Berneker AfslPh. XXV, 491, и не объясняетъ намъ *sz* на мѣстѣ *s*. Ср. далѣе *blyszkėti* «блестѣть» (при *blizgėti* съ сходнымъ значеніемъ) и слѣдующія слова, въ которыхъ происхожденіе *sz* изъ *s* не можетъ быть доказано за неизвѣстностью корня, но можетъ считаться болѣе или менѣе вѣроятнымъ, такъ какъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ врядъ ли встрѣчалось сочетаніе *-kq-*: *kiszka* ²⁾ «подколѣнокъ», *kiskis* «заяцъ», *laiszkas* ³⁾

¹⁾ Ср. сходную мысль Зубатаго KZ. XXXI, 15: Ob für den eintritt von š für urspr. s (въ сочетаніи *šk*) das vorhergehen eines i... entscheidend gewesen?

²⁾ Это слово (и тожественное съ нимъ лат. *ciska* «Sehne im Kniegelenk, grosse Muskel am Oberschenkel, Lende, Schenkel»), какъ замѣтилъ Lewy PBrB. XXXII, 140², очень похоже на скр. *kišku-š* «Oberarm», но ср. о немъ Brugmann Grdr. I², 1094.

³⁾ Лит. *laiszkas* конечно родственно съ праслав. **listъ*, но изъ этого не слѣдуетъ, что *laiszkas* получило изъ **laištka*; какъ полагаетъ Педерсенъ JF. V, 79 (также предложенная имъ этимологія этихъ словъ, по которой *š* изъ иде. *k̃*, не убѣдительна; ср. Uhlenbeck Etym. Wrth. d. aind. Spr. подъ *leštūš*). Мы тутъ имѣемъ дѣло съ чередованіемъ *-st-* : *-sk-*, извѣстнымъ изъ цѣлага ряда примѣровъ;

«листь», *laiszkus* «mit fadem, unbestimmtem, unangenehmem Geschmack» (того же происхожденія вѣроятно и *laiksztus* «widerlich»: или со вставнымъ *k*, или съ обычной перестановкой изъ **laiszkus*), *miskas* «лѣсъ», *pyszkėti* «knallen», *tráiskyti* «mehrfach bis zum Spritzen quetschen». Если црксл. *ръснь* «verus, certus» и *яснь* представляютъ собою собственно **ръснь* и **яснь*, ср. Pedersen JF. V, 43 сл. и Фортунатовъ Сборн. Лам. 1426, то сюда относятся также лит. *raiszkus* «явный» и *áiskus, iszkus* «ясный» (также **eiskus*, ср. нарѣчіе *éiskėi* у Даукши Post. 27, 3); въ противномъ же случаѣ мы имѣли бы тутъ скорѣе дѣло съ *sz* изъ иде. *k*. Что же касается немногихъ словъ съ *-sk-* послѣ *i*, то въ *driskà* «abgeschnittene Partie Garn», *driskė* «оборванка» Svoth. D. 20, 32, *-driskęs* «zerrissen» *-sk-* могло держаться подѣ влияніемъ родственныхъ формъ *dreskiū* «деру» и *draskai* «раздираю», въ *tvyskėti* «knallen» и *tvýskinti* «gewaltig anklopfen» подѣ влияніемъ *tvoskinti* «stark schlagen», въ *twiskėti* «сверкать» (Куршаты дають и ожидаемое *twiskėti*) подѣ влияніемъ *tvoskóti* «пылать». Въ *viskėti* «дрожать» (и III л. буд. вр. *pasiviskins* у Ширвида PS. 6, 9) *-sk-* можетъ быть сохранено или восстановлено благодаря *-zg-* въ однозначащемъ *vizgėti* или *vyzgóti*, въ *pléiskanos*¹⁾ (рядомъ съ *plaskanos*!) «Schinn, feine Schuppen» и *pleiskės* «посконь» благодаря *pleizgānė* или *pleizgē* «посконь» (собственно: «schinniger Hanf» по Куршату), и въ *pliskė* «Wolflappen» благодаря однозначащему *blizgė*. Прилагательное *waiskus* «klar, hell, offenbar, merklich, ansehnlich» вѣроятно произведено отъ корня *ceid-* «видѣть» (ср. *vaidintis* «sich momentan gespensterartig sehen lassen»)

ср. р. *ласка* : *ластиться, пустить* : *пускать*, прасл. **driskati* : **dristati* (Berneker 224), лит. *iškus* : *iščias* (вѣроятно изъ **istjas*) «ясный» (и црксл. *цстъ*?). иде. *posk-* : *post-*, скр. *tucchyá-s*: лит. *tūščias* «пустой» (въ формахъ вродѣ лит. *tūštinti* «порожнить» Š вмѣсто *s* подѣ влияніемъ *tūščias* изъ **tustjas*. Црксл. же *тѹштъ* и лат. *tukšs* могутъ восходить какъ къ иде. **tuskjos*, такъ и къ **tustjos*. Считать лит. *tūščias* заимствованнымъ, какъ это дѣлается, наприм., Зубатый KZ. XXXI, 13, нѣтъ, значить, никакого основанія). Параллельно съ этимъ мы находимъ чередованіе *-zd-* : *-zg-*; ср. наприм. праслав. **bъzdъ* : **bъzgъ* (у Бернекера подѣ *bъzgъ*), праслав. **drozdъ* : **drozgъ*, лит. *bruzdius* : *bruzgus* (у Юшкевича), лат. *līdzs*: діал. **līzgs* «гнѣздо» (ср. ВВ. XXI, 188).

¹⁾ Ср. р. *плъси(ев)нь* и др., съ *-си-* вѣроятно изъ *-ски-*.

посредствомъ суффикса *-sku-*, какъ *ėskus* «обжорливый» отъ *ėdu* «жру». Дialeктическое *(j)ýskiai* (если тутъ *s* не ошибочно вмѣсто *sz*) Viltis 1908 г. № 78 (поясняется черезъ *tikrai*) тѣмъ болѣе странно, что рядомъ имѣются *áizkus* и *iszkus* съ *sz*; можетъ-быть, *s* въ *(j)ýskiai* объясняется вліяніемъ слова **istjas* (>*iszčias*). Осталось бы, насколько я вижу, только *prėškas* (какъ пишетъ Куршаты) «прѣсный», которое Брюкнеръ (Lit-slav. Stud. I, 122) считаетъ заимствованнымъ изъ малорусскаго языка (прясый); но какъ мнѣ сообщаетъ К. К. Буга (ср. также указаніе Фортунатова, Составъ Остромирова Евангелія 10³), слѣдуетъ писать *prėškas*, какъ говорить въ Дусятахъ, ср. также Пост. Даукши 187, 2 и 250, 3. Послѣ другихъ гласныхъ *-sk-* сохраняется, какъ показываютъ, кромѣ вышеупомянутыхъ *dreskiù*, *draskau*, *tvoskinti*, *tvoskóti*, еще и слѣдующія слова: *druskà* «соль», *paskuì* «послѣ», *plauskà* «ein Kloben», *plūskis* «расточитель», *suskis* «scabby person» (въ словарѣ Лалиса) и др. Въ нѣкоторыхъ глагольных формахъ съ *-szk-* (если только это не литовскія новообразования; по большей части это звукоподражательныя слова неизвѣстнаго мнѣ происхожденія) *-sz-* вмѣсто *-s-* могло возникнуть подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ послѣ перестановки передъ согласнымъ имѣется *-ksz-* изъ *-ks-*; ср. наприм. *bloszkiù*, *bloszkiau* *blōksziù*, *blōkszi* ¹⁾ «seitlich schleudern», *broszkiù*, *broszkiau*, *brōksziù*, *brōkszi* «buttern», *čiauszkiù* *čiauszkiau* *čiaũksziù* *čiaũkszi* «журчать», *reszkiù* *reszkiau* *reksziù* *rekszi* «рвать» (краткое *e* вѣроятно только въ наст. времени, какъ показываетъ I л. ед. ч. буд. вр. *nurėksziù* Лхр. 397, 24; ср. наприм. *dreskiù* при *drėskiau* *drėksiu* *drėksi*), *teszkiù* *teszkiau* *tėksziù* *tėkszi* «Dickflüssiges schleudern», *trōksztu* *trōszkau* *trōksziù* *trōkszi* (ср. Pedersen KZ. XXXVIII, 208) «жаждать» и др. Затѣмъ мы встрѣчаемъ *-szk-* еще въ звукоподражательныхъ словахъ, ср. наприм. *braszkėti* ¹⁾

¹⁾ Trautmann же ВВ. XXX, 328 возводитъ *-šk-* въ *bloškiù* къ иде. *-g sk-*, сближая его съ латинск. *flagrum* «бичъ» и др.; подобнымъ образомъ онъ сопоставляетъ *braškėti* съ латинск. *fragor* «трескъ»; подобно объясняетъ *brėkšti* Walde KZ. XXXIV, 515. Полной увѣренности въ этомъ у меня нѣтъ, но возможность такого объясненія *-šk-* въ этихъ и другихъ имъ подобныхъ словахъ я признаю. Кромѣ того слѣдуетъ считаться съ возможностью перестановки *-šk-* изъ *-kš-* < *-ks-* (какъ вѣроятно въ *vāškas*).

«трещать», *treszkēti* «трещать», *tauszkēti* «стучать», *pliuszkēti* «калякать», *pliauskinti* «плескать» и др., которыя вѣроятно были созданы уже послѣ возникновенія шипящаго звука изъ иде. $k^{\wedge}$, и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ неизвѣстнаго (вѣроятно поздняго) происхожденія, какъ къ *trēsžkē* «черника», *meszkerē* «удочка» и др., и въ заимствованныхъ словахъ, какъ въ *meszkà* «медвѣдь», ср. Brückner KZ. XLIII, 307 сл. Слово же *vāšžkas* (и праслав. **voskō*) вѣроятно получилось путемъ перестановки изъ **vakszas* изъ **vaksas* = др.-врхн. *wahs* (считать славяно-балтійское слово ¹⁾ заимствованнымъ нѣтъ достаточнаго основанія); слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ балтійскихъ (и вѣроятно и въ славянскихъ языкахъ) сочетаніе *-ks-* (> лит. *-ksz-*) было необычно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ *-s-* входитъ съ составъ производительнаго суффикса. Крайне рѣдко въ *-szk-* *sz* восходитъ къ иде. $k^{\wedge}$ (возможна утрата гласнаго между *sz* и $k^{\wedge}$), какъ вѣроятно въ *szēsžkas* «хорекъ», ср. скр. *kaśikā* «ласица».

Въ сравнительно немногихъ случаяхъ съ *-sz-* вмѣсто *s* между гласными остается только возводить это *sz* къ иде. $sk^{\wedge}$, къ чему фонетическихъ препятствій нѣтъ, ср. Berneker AfslPh. XXV, 491. Такъ уже объясняются *aišžta* «свѣтаеть» (изъ болѣе древняго **aišža*, ср. скр. *ucchāti*, подъ вліяніемъ глаголовъ вродѣ *brēksžta* «свѣтаеть», послѣ чего *sz* изъ наст. времени перенесено въ прочія формы глагола и въ существительное *ausžrā* ²⁾ «утренняя заря»), *gaišžtū* «мѣшкаю» (изъ **gaišžū* съ *sz* изъ иде. $sk^{\wedge}$, ср. латинск. *haereo*, *haesi*, и съ перенесеніемъ *sz* изъ наст. времени въ прочія формы этого корня), ср. Pedersen JF. V, 79; *trisžū* (съ такимъ же обобщеніемъ *sz*) «дрожу», ср. ав. *tərəsaiti*, др.-перс. *tarsatiy* «боится»

²⁾ Möller же KZ. XXIV, 500 возводитъ *-škas* въ *vāšžkas* къ иде. $-k^{\wedge}sqos$ въ виду скр. *vaśā* «масло», рядомъ съ которымъ однако имѣется *vaśā*; ср. также Osthoff Etym. Parerga I, 19 слл. По поводу перестановки *ks* ср. еще латинск. *ascia*: гр. *ἀξίνη*, латинск. *viscum*: гр. *ἰξός*, латинск. *vespa*: лит. *vapsà*, (между тѣмъ какъ въ латинск. *axis* и др. *ks* сохраняется).

²⁾ Ср. такое же обобщеніе $-sk^{\wedge}$ въ латинск. *porosci*, умбр. *peperscusi* «precatus erit», *perschi* «supplicatione», скр. *pr̥cchā*, арм. *harths*, др.-врхн. *forsca* «вопросъ» и др.

(ср. Brugmann Grdr. II, 1029) ¹⁾. Далѣ имѣютъ *sz* изъ иде. *sk* повидимому *maĩszas*, *rieszutas* и, можетъ быть, также *kr(i)uszà* и *vētuszās*; и также соотвѣтствующія славянскія формы по моему мнѣнію могутъ имѣть *x* изъ иде. *sk*. Педерсенъ, правда, полагаетъ JF. V, 71, что въ славянскомъ получается только *s* изъ иде. *sk*, но ссылается при этомъ только на црксл. *пасѣ*: латинск. *pasco* и, самъ сомнѣваясь, на црксл. *мысѣмѣ*. Но въ *пасѣ* конечно можетъ быть только *e* (а не *x*), такъ какъ передъ нимъ стоитъ *a*; что же до *мысѣмѣ*, то мы достовѣрно не знаемъ, что *e* въ немъ получилось изъ иде. *sk*, и даже допуская это, можемъ объяснять *e* (вмѣсто *x*) вліяніемъ другихъ числительныхъ съ *e*- (изъ иде. *k*-) того же корня **k^hemt*-. Ничто, значить, намъ не мѣшаетъ думать, что въ славянскомъ послѣ *i*, *u* изъ иде. *sk* получается *x*. А само по себѣ это даже вѣроятно. По весьма правдоподобной гипотезѣ Педерсена JF. V, 75 слл. какъ въ арійскихъ языкахъ и въ литовскомъ, такъ и въ праславянскомъ *s* первоначально при извѣстныхъ условіяхъ перешло въ *š* не только передъ гласными, но и передъ согласными, значить, также передъ иде. *k*. Когда затѣмъ изъ этого *k* на славянской (или на славяно-балтійской) почвѣ возникъ свистящій или шипящій звукъ (>лит. *sz*, слав. *s*), который тутъ условно обозначимъ черезъ *ś*, то въ сочетаніяхъ *-išś-*, *-uśś-* (изъ *-išk-*, *-ušk-*) путемъ ассимиляціи *-šś-* очень легко могло далѣ перейти въ *-š(š)-*, откуда *-x-*. Если скр. *mešá-s* «баранъ» и др.-исл. *meiss* «geflochtener Tragkorb» дѣйствительно родственны съ лит. *maĩszas*, црксл. *мѣхъ*, ср. Bugge KZ. XX, 1 сл. и Pedersen JF. V, 40 (по значенію ближе къ др.-исл. *meiss* стоитъ лит. *maĩszas*), то можно думать, что въ части говоровъ индоевропейскаго праязыка **moisos* (или **maisos*) было измѣнено въ **moisk^hos* (или **maisk^hos*) подъ вліяніемъ, наприм., слова, даваго гр. *αἶσχος* «мѣхъ». — Родственныхъ съ *kr(i)uszà* (ср. црксл. *крѣха* «мѣха») и *vētuszās* (ср. црксл. *ветѣхъ*) формъ съ *-sk-* мы, правда, не знаемъ, но предполагать

¹⁾ См. также Trautmann German. Lautgesetze 33 сл. относительно *kāišti* «скоблить» и I. с. 45 относительно *kr(i)ūšti* «крушить» и Persson BV. XIX, 274 относительно *rušēti* «заниматься»; ср. также *rāušyti* «рыться» рядомъ съ однозначащимъ *raušyti*.

таковыя до известной степени позволяют (ср. выше стр. 54³ о чередованіи *-st- : -sk-*) латинск. *crusta* «кора», гр. *κρύσταλλος* «ледъ» и латинск. *vetustus*. Но *kr(i)uszà* могло бы имѣть *sz* также подъ вліяніемъ глагола *kr(i)űszti*, о которомъ ср. выше стр. 58¹. И слова *vētuszas* (съ производнымъ *vētuszis* «alter Ochs», ср. лат. *vecis* «старикъ»), *apuszis* или *apuszé* «осина» (ср. др.-врхн. *aspa*) и *kerműszé* (ср. выше стр. 52) могли получить *sz* подъ вліяніемъ словъ вродѣ *bratuszis* «племянникъ» (*bratuszé* «племянница»), *tetűszis* «бабушка» (Leskien Bild. d. Nom. 598), *ruduszis* «язъ» (*cyprinus rutilus*) съ *sz* изъ иде. *k̂*, какъ показываетъ соответствующій суффиксъ *-űzis* (*-űžé*; и славянскій суффиксъ *-uso-*, *-yso-* ? ср. Vondrák, Vrgl. slav. Gr. I, 476 сл.). *Kiűszé* же (и *kiűtűszis* «яйцо», *kűszas* ¹), лат. *kűss* «ковшъ, большая разливная ложка») родственно ближе всего не съ др.-исл. *hauss*, но съ скр. *kō'sa-s* «Behälter, Kufe», гр. *καυχίον* *κύλιξ*, латинск. *caucus* «кубокъ» (Buga Aist. Stud. I, 28). Возводить *jűszé* къ иде. **jűk̂iē* или **jűsk̂iē* (отъ глагольнаго корня, который имѣется въ скр. *yā'uti* «смѣшиваетъ», лат. *jait* «мѣшать тѣсто») было бы возможно въ фонетическомъ отношеніи и обязательно, если это слово не заимствовано ²); но отсутствіе сходныхъ по суффиксу формъ въ родственныхъ языкахъ ³) и то обстоятельство, что изъ славянскихъ языковъ заимствовано (въ болѣе позднее время) также лит. *jukà* «Blutsuppe» и вѣроятно и н. *Jauche*, располагають меня скорѣе считать *jűszé* (и вѣроятно тождественное съ нимъ др.-пр. *iuse* «juche») за старое заимствованіе изъ славянскихъ языковъ. Мы не знаемъ, правда, такой славянской формы (**juša*), которая бы могла служить оригиналомъ для лит. *jűszé* (что бѣлор. *жушка* не можетъ считаться таковымъ, въ этомъ я согласенъ съ Педерсеномъ JF. V, 80), но изъ этого еще не слѣдуетъ, какъ полагаетъ Педерсенъ, что *нельзя* считать лит. *jűszé* заимствован-

¹) Относительно отношенія балтійскаго слова къ славянскому правъ не Лескинъ Bild. d. Nom. 194, но Mikkoла ВВ. XXI, 120, какъ ясно показываетъ форма этихъ словъ.

²) То же самое—*mutatis mutandis*—слѣдуетъ сказать о *kr(i)űtűšé* «груша».

³) Ср. развѣ шведск. діал. *Ust* «сыръ», которое тоже относить сюда, см. выше стр. 54³.

нымъ. Нерѣдко вѣдь языковѣды (и въ томъ числѣ, конечно, и самъ Педерсенъ въ случаѣ надобности, ср. наприм. KZ. XXXVIII, 195) считаютъ то или другое слово заимствованіемъ, хотя не могутъ указать его оригинала; и принципиально возражать противъ этого нельзя, такъ какъ слова часто утрачиваются и измѣняются. Но какъ бы то ни было, послѣ всего предыдущаго несомнѣнно то, что *sz* въ *júszè* нельзя непосредственно возводить къ иде. *s*.—Въ *lasziszà* «лосось» ср. др.-врхн. *lahs*) второе *sz* вѣроятно путемъ ассимиляции замѣнило собою старое *s*.

Итакъ, я пришелъ къ выводу, что въ литовскомъ языкѣ имѣется *sz* изъ иде. *s* только послѣ *r*, *k* и между *i* и *k*. Что же касается времени перехода *s* въ *sz*, то нельзя на основаніи одного лишь *kriksztas* (и *kriksztyti*) думать о сравнительно позднемъ происхожденіи этого *sz*: вновь возникшее *s* въ такомъ положеніи (между *k* и согласными) могло и впослѣдствіи переходить въ *sz*¹⁾, пока только былъ въ силѣ законъ о переходѣ *s* въ *sz* (кромѣ того не исключена возможность, что *sz* въ *kriksztyti* отражаетъ польское *rz* въ *chrześć*). Обращаясь же за указаніями къ прочимъ балтійскимъ языкамъ, мы находимъ, что латышскій языкъ никакого свѣта не проливаетъ на этотъ вопросъ, такъ какъ въ немъ одинаково соотвѣтствуетъ *s* какъ литовскому *sz* изъ иде. *s*, такъ и литовскому *sz* изъ иде. *k*²⁾. На данныхъ же древне-пруссаго языка приходится немного приостановиться.

Въ памятникахъ пруссаго языка обыкновенно обозначается буквою *s*²⁾ какъ потомокъ иде. *s*, *z*, такъ и потомокъ иде. *k*²⁾, *g*²⁾(*h*), и поэтому принято думать, что въ прусскомъ языкѣ совпали, какъ и въ латышскомъ, иде. *s* и *k*²⁾ въ *s*, иде. *z* и *g*²⁾(*h*) въ *z*. Противъ этого, насколько мнѣ извѣстно, высказался одинъ лишь Mikola AfslPh. XX, 149 сл., который, ссылаясь на будто бы заимствованныя изъ пруссаго языка лит. *uszès* «Kindbette» и *pusznis* «сапогъ» и на примѣры вродѣ III л. *poschwäigstinai* «erleuchte» (при *swäigstan* «Schein») и *uschts* «шестой» (при *usts*), приходитъ къ

¹⁾ Ср. Bezzenberger Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 81.

²⁾ Глухой свистящій изрѣдка обозначается также черезъ *z*, *cz*, ср. грамматику Траутмана § 68.

заключенію, что буква *s* на мѣстѣ иде. *k̂* и *ĝ(h)* вѣроятно обозначала «palatale š und ž, etwa den poln. ś und ź ähnliche Laute». А то *š*, которое получилось въ прусскомъ языкѣ изъ иде. *sĭ*, *k̂ĭ*, по мнѣнію Микколы, не было палатально, но похоже на нѣмецкое *š*, и поэтому обыкновенно передавалось черезъ *sch*, между тѣмъ какъ палатальное (не похожее на нѣм. *š*) *š* (и *ž*) въ большинствѣ случаевъ обозначается буквою *s*. Что посредствомъ *s* въ прусскихъ текстахъ въ извѣстныхъ случаяхъ передаются звуки, похожіе на п. *ś* и *ź*, это само по себѣ возможно; но въ виду довольно многочисленныхъ примѣровъ съ *s* изъ иде. *k̂* и *ĝ(h)* (въ грамматикѣ Траутмана стр. 168 слл.) естественнѣе думать, что въ прусскомъ языкѣ изъ иде. *k̂* и *ĝ(h)* получились тѣ же звуки, что и въ латышскомъ, т. е. *s* и *z*, восходящіе вѣроятно къ звукамъ, похожимъ на лит. *š* и *ž*, тѣмъ болѣе, что *s* имѣется вмѣсто *š* и *ž* также въ прусскихъ заимствованіяхъ изъ славянскихъ языковъ (примѣры у Траутмана стр. 169 сл.; исключить слѣдуетъ *sompisinis* «grob-brot», такъ какъ считать это слово заимствованнымъ нѣтъ никакого основанія, и въ славянскихъ языкахъ вовсе нѣтъ соотвѣтствующей формы). Отказаться отъ этого господствующаго мнѣнія въ пользу гипотезы Микколы насъ могли бы заставить только вѣскіе мотивы, а считаются таковыми не могутъ выше приведенныя соображенія Микколы. Нѣтъ вѣдь ни малѣйшаго основанія (несмотря на «sicherlich» Траутмана, стр. XI) полагать, что лит. *pusznis* взято изъ прусскаго языка (представляющаго форму *pusne*); вмѣсто того, чтобы на основаніи лит. *pusznis* приписывать прусскому языку *š* (или *ś*) изъ иде. *k̂*, естественнѣе будетъ заключать, что въ виду *sz* въ *pusznis* трудно считать это слово заимствованнымъ изъ прусскаго языка. А вмѣсто приведеннаго Микколою *poschwäigstinai* наши тексты даютъ только *poswäigstinai*; зато имѣются формы III л. наст. вр. *erschwäigstinai* и прич. прош. вр. *erschwäistius*. Но Траутманъ въ своей грамматикѣ (стр. 172) уже вѣрно указалъ, что въ говорѣ III катехизиса *s* и *z* (если правильно сопоставленіе а.¹⁾ *s. swäigstan* «Schein» съ лит. *žvai(g)zdė* «звѣзда») послѣ *r* пе-

¹⁾ Траутманъ считаетъ эту форму за *instr. s. fem. g.* на томъ основаніи, что она слѣдуетъ (послѣ *дательнаго* пад. *ainesmu*!) за предлогомъ *sen* «съ». Но

переходят въ *š* и *ž*; и только что приведенныя формы ясно показываютъ, что *sch-* вмѣсто *s-* въ нихъ вызвано положеніемъ послѣ *r* (въ *ersinnat* имѣется *s* благодаря вліянію такихъ формъ, какъ *posinnat*). Кромѣ того, этой судьбѣ подвергаются не только рефлексы иде. *k̂* и *ĝ(h)*, но также иде. *s*, какъ показываютъ *pogirschnan* «хвалу» 79, 33 (*pogirsnan* 81, 2 и *girsnan* 27, 13; 59, 5; 63, 2 имѣютъ *s* подѣ вліяніемъ весьма многочисленныхъ формъ на *-snā* въ положеніи не послѣ *r*), *kirscha* (весьма часто) или *kerschān* 73, 14 «über» (*kirsa* 57, 10 или остатокъ старины, или скорѣе простая ошибка), *pirschdau* 51, 17; 53, 13; 59, 33 «передъ» (въ перѣдкомъ *pirsdau* и въ *sirsdau* 35, 8; 49, 28 имѣется *-rs-* подѣ вліяніемъ *pansdau* «послѣ»). Неяснымъ для меня исключеніемъ являются только а. pl. *preipirstans* «кольца» 67, 18 и а. s. *dirstlan* «stattdlichen» 73, 10 (ср. также *dyrsos gyntos* «from man» у Грунау). Если эти формы вѣрно переданы, то надо полагать, что во время возникновенія этого памятника переходъ *-rs-* въ *-rš-* еще не былъ законченъ. Старымъ во всякомъ случаѣ, какъ замѣтилъ уже Траутманъ I. с., этотъ звуковой процессъ не можетъ считаться, такъ что о связи его съ литовскимъ переходомъ *rs* въ *rsz* нельзя и думать. Вѣдь въ наиболѣе древнемъ памятникѣ прусскаго языка—въ Эльбингскомъ словарѣ—*rs* еще сохраняется, какъ показываютъ *sirsilis* «шершень», *warsus* «губа», *werstian* «теленокъ», *werwirsis* «жаворонокъ», *kirsnan* «черный» и друг. А въ III катехизисѣ съ одной стороны въ *š* переходитъ послѣ *r* и такое *s* (въ *kirscha*), которое въ литовскомъ языкѣ сохраняется, съ другой же стороны

несомнѣнныя формы творит. падежа (да и тѣ только послѣ *sen*) мы встрѣчаемъ только въ мѣстоименной флексіи (*sēnku* «damit», *sen māim* «mit mir»), какъ и въ латышскомъ языкѣ *особыя* формы творит. падежа имѣются теперь въ живомъ употребленіи (въ зависимости отъ предлоговъ) только въ мѣстоименной флексіи (*manim*, *tevim*, *sevim*). Если Траутманъ считаетъ за творит. пад. всѣ произведенныя отъ основъ на *-ā* формы на *-an* послѣ предлога *sen* (что *swāigstan* происходитъ отъ основы на *-ā*, этого мы впрочемъ даже не знаемъ), то остается необъясненнымъ, почему послѣ *sen* ставится только такой творительный падежъ, форма котораго совпадаетъ съ винительнымъ падежомъ, тогда какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ винительный падежъ отличается отъ творительнаго (какъ наприм. во множ. числѣ, и въ формахъ отъ основъ на *-(ī)o-*), послѣ *sen* ставится не творительный, но винительный (или также дательный) падежъ.

сохраняется *s* послѣ *k* и между *i* и *k*, какъ показываютъ а. с. *auckstimiskan* «Obrigkeit» 57, 8, *crixtisnālaiskas* «Taufbüchlein» 19, 19 и др. Въ виду этого я склоненъ даже думать, что въ прусскомъ переходѣ *rs* въ *rš* сказывается вліяніе нѣмецкаго языка, которому тоже извѣстенъ этотъ звуковой процессъ. Насколько онѣмечены были древніе пруссы уже въ то время, лучше всего показываютъ обороты вродѣ *stesse swintan noseilis* «des heiligen Geists» 67, 31, *steise wissemusingin tarwas* «des allmächtigen Vaters» 37, 17 и др. (если только это не ошибки), гдѣ въ значеніи родит. падежа употреблены формы винит. падежа на *-an*, *-in* вѣроятно благодаря тому, что въ нѣмецкомъ языкѣ падежныя формы прилагательныхъ на *-en* употребляются въ значеніи всѣхъ косвенныхъ падежей, ср. также грамматику Траутмана, стр. 207 слл. Вліяніемъ нѣмецкаго языка, въ которомъ *sl-* перешло въ *šl-*, я объясняю также *šl-* изъ *sl-* въ III катехизисѣ¹⁾ въ словахъ *schlūsituwei* «служить» съ производными формами (весьма часто) и *schlāit* (весьма часто) «sonder(n)» (рядомъ встрѣчается 2 раза еще старое *slāit* съ *sl-* изъ болѣе древняго *skl-*, которое тоже еще встрѣчается; затѣмъ путемъ контаминаціи формъ съ *skl-* и *šl-* получаютъ формы съ *schkl-*), подобно тому, какъ Траутманъ I. с. 173 объясняетъ нѣмецкимъ вліяніемъ *šp-* въ *auschpāndimai* «wir spannen ab» и въ *schpartina* «stärkt» (обыкновенно *sp-* сохраняется; ср. латышское діал. *špars* вмѣсто *spars* «энергія» и *špl'au't* вмѣсто *spl'au't* «плевать»). Траутманъ I. с. 172 и 422 выводитъ пр. *schlūsituwei* изъ лит. *szlūžyti*, но было бы довольно странно, если бы это славянское слово перешло въ прусскій языкъ не непосредственно изъ польскаго языка, но черезъ посредство литовскаго языка. Кромѣ того, Траутманъ не объясняетъ, почему начальное *š-* въ этомъ словѣ сохраняется, тогда какъ вмѣсто втораго шипящаго звука мы находимъ (какъ и въ другихъ заимствованіяхъ изъ славянскихъ языковъ, ср. грамматику Траутмана, стр. 169 и 170) свистящій звукъ *-s-*. Поэтому естественнѣе примѣнять къ *schlūsituwei* то объясненіе, которое мнѣ кажется единственно возможнымъ для *schlāit* (такъ и часть латыш-

¹⁾ Въ Эльбингскомъ словариѣ мы встрѣчаемъ только *sl-*.

скихъ формъ съ *šl-*, *šn-*¹⁾, *šm-*, *šv-* вмѣсто *sl-*, *sn-*, *sm-*, *sv-*, можетъ-быть, объясняется нѣмецкимъ вліяніемъ, ср. выше *špars* и *špl'au't*).—Что же касается лит. *uszės* и пр. *uschts*, то одно то обстоятельство, что *uszės* извѣстно только въ части литовскихъ говоровъ, тогда какъ прочіе говоры вмѣсто этого употребляютъ *szėsziōs*, еще не заставляеть насъ непременно считать лит. *uszės* заимствованнымъ изъ прусскаго языка. Но если бы оно даже было заимствовано, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что его *sz* представляетъ собою прусскій рефлексъ индоевропейскаго *k̃*: это *sz* могло получиться изъ прапрусскаго *sj*, какъ показываютъ лит. *szėsziōs* и лат. *seši* (съ *š* изъ пралатышскаго *sj*), «шесть». И изъ числительнаго количественнаго это *š* (изъ прапрусскаго *sj*) могло быть перенесено въ соотвѣтствующее порядковое числительное²⁾, такъ что старое *usts*, которое намъ даетъ второй, «исправленный» катехизисъ (вмѣсто *wuschts* I катехизиса), было замѣнено новообразованіемъ *uschts*³⁾ (въ III катехизисѣ 3 раза). Думать здѣсь о вліяніи нѣмецкаго языка, въ говорахъ котораго встрѣчается переходъ *-st-* въ *-št-* (изъ такихъ говоровъ перешло въ литературный языкъ напр. слово *Gischt*), трудно потому, что во всѣхъ прочихъ случаяхъ *-st-* сохраняется, ср. наприм. *kailūstiskun* «здоровье» и др. Если же Траутманъ l. с. 172 объясняетъ *sch* въ *uschts* вліяніемъ предыдущаго *u*, ссылаясь на подобное явленіе въ литовскомъ языкѣ, то это совершенно невозможно, такъ какъ перехода *us* въ *uš* не знаютъ ни литовскій языкъ (какъ выше показано), ни прусскій, ср. а. pl. *āusins* «уши», а. s. *ausin* «золото», *āustin* «морду», *kailūstiskun* «здоровье», *auskandints* «утопленный», *klausiton* «слушать»

¹⁾ Откуда далѣе *šl'- šn-*, ср. KZ. XLII, 377.

²⁾ Ср. наприм. лат. *ceturtais* «четвертый» вмѣсто **cetvirt(ai)s* (=лит. *ketviřtas*) подъ вліяніемъ формы, соотвѣтствовавшей литовскому *keturi* «четыре», или лат. *astuōtais* «восьмой» вмѣсто **astūt(ai)s* (=лит. *aštuņtas*), откуда діал. *astutaš* BV. XXVII, 329, подъ вліяніемъ *astuoņi* «восемь».

³⁾ Гипотезу Педерсена JF. V, 86, по которой *uschts* возникло изъ **štas*, какъ итальянск. *istrada* изъ *strada*, я считаю неприемлемою потому, что она оставляетъ въ сторонѣ лит *ušės*, не объясняетъ *š* въ **štas* и предполагаетъ звуковое развитіе (*uš-* изъ *š-*), для котораго мы совершенно не знаемъ аналогичныхъ примѣровъ (что однако самому Педерсену не мѣшаетъ считать его за «ganz natürlich»).

и др. Предложенное мною объяснение *š* въ *uschts* однако нуждается въ пояснительной замѣткѣ о развитіи въ прусскомъ языкѣ сочетанія *sj* (съ *s* изъ иде. *s* и *k*). Дѣло въ томъ, что начальное *sj* въ прусскомъ языкѣ повсюду переходитъ въ *š*-, тогда какъ внутри слова нерѣдко сохраняется *-sj-*; ср. съ одной стороны *schokis* «трава», *schumeno* «проволака», *schutuan* «нитки», *schuwikis* «сапожникъ» (въ Эльбингскомъ словарикѣ), многочисленные формы отъ мѣстоименной основы *scha*- «этотъ», *auschaiditwei* «довѣряться» съ производными формами (если Траутманъ правильно возводитъ *schaud*- къ **skjaud*-, то *sch*- могло получиться послѣ выпаденія *k* между *s*- и *-j*-, ср. AfslPh. XXXII. 293. A. s. *ausaudisnan* 67, 17 «вѣрность» при 10 *auschaid*- вѣроятно простая ошибка; ср. также грамматику Траутмана стр. 172), а. pl. *auschautins* ¹⁾ «долги» съ производными формами (въ катехизисахъ), а съ другой стороны *crausios* «груши» (въ Эльбингскомъ словарикѣ), g. s. *stessias* 77, 16 «той», d. s. *stessiei* 73, 22 «той», сравнит. степ. *muieson* 45, 30 «grössern» ²⁾ (въ катехизисахъ). Это различіе въ развитіи *sj* не только не объяснено грамматиками Бернекера и Траутмана, но (что весьма характерно для нихъ) даже не отмѣчено. Оно совершенно похоже на различіе въ развитіи *tj* и *dj* въ нижнелитовскомъ (ср. Berneker JF. X, 158¹) и *pj*, *bj* въ латышскомъ

¹⁾ Это слово, можетъ быть, родственно съ лит. *šauti*, лат. *šaut* «стрѣлять» и въ такомъ случаѣ предполагаетъ глаголѣ **auschautwei* «ссужать», ср. н. *schliessen* «стрѣлять : *vorschiessen* «ссужать».

²⁾ Траутманъ по всей вѣроятности правъ, полагая l. c. § 170, что *-i*- послѣ перваго *s* въ *muieson* не обозначаетъ смягченіе предыдущаго *s*, но входитъ въ составъ компаративнаго суффикса *-ies-*, такъ какъ за исключеніемъ а. s. *epkieckan* «порокъ» (*k* и *g* могли быть сильнѣе смягчены, чѣмъ прочіе взрывные) смягченіе согласнаго выражается черезъ *i* только передъ такимъ *e*, которое входитъ въ составъ дифтонга *ei* или, находясь передъ тавтосилабическимъ плавнымъ или носовымъ, удлинено при нисходящей интонаціи (вѣроятно *e* въ такомъ положеніи отличалось качественно отъ *e* въ другихъ положеніяхъ, такъ что смягченіе согласнаго передъ такимъ *e* могло быть замѣтнѣе). Но изъ этого еще не слѣдуетъ (какъ думаетъ Траутманъ), что балтійскіе языки не знаютъ звуковаго закона объ утратѣ *i* между согласнымъ и *e*. Если *e* въ *muieson* восходитъ къ иде. *e*, то *-ies-* (вмѣсто *-es*) перенесено сюда изъ такихъ формъ, гдѣ оно стояло послѣ гласнаго; но это *-ies-* можетъ восходить также къ прабалтійскому *-ias-* (изъ иде. *-ios-*), ср. Brugmann Grdr. I², 289.

и въ части славянскихъ языковъ: въ латыш. и части слав. языковъ, какъ указалъ уже Фортунатовъ ВВ. XXII, 156, *j* послѣ *начальныхъ* губныхъ переходитъ въ *l'*, тогда какъ внутри слова сохраняются сочетанія *j* съ губными. Чисто фонетическимъ я считаю въ этихъ случаяхъ только развитіе въ началѣ слова, между тѣмъ какъ внутри слова, гдѣ эти сочетанія встрѣчаются обыкновенно во флексійныхъ окончаніяхъ, правильному ихъ развитію мѣшало вліяніе другихъ формъ тѣхъ же категорій съ *j* не послѣ губныхъ и *s*. Такъ, наприм., въ латышскомъ языкѣ къ *krupis* «жаба» ген. s. не **krupl'a*, но *krupja* подѣ вліяніемъ формъ вродѣ **nazja* (откуда потомъ *naža*) къ *nazis* «ножъ» (ген. s. **krupl'a* къ *krupis* слишкомъ расходился съ прочими формами родит. падежа этого склоненія). Такъ и пр. *crasios* можетъ считаться новообразованіемъ (вмѣсто **craschos*) къ ном. s. *crasuy*¹⁾ подѣ вліяніемъ формъ вродѣ **marios* (=лит. *mārios* «das

¹⁾ Траутманъ же I. с. 227 усматриваетъ въ *crasuy* основу на -*ē*, производя *crasios* отъ основы на -*jā*, что я считаю невѣроятнымъ, полагая, что *crasuy* склонялось подобно литовскому *marti* «невѣста». Лит. *kr(i)dušē* «груша» этому не мѣшаетъ; ср. наприм. лит. *mārēs* при *mārios* и др. Первоначально пр. *crasuy* и могло быть основой на -*ē*, но послѣ перехода конечнаго неударяемаго -*ē* въ -*i* (какъ въ части литовскихъ говоровъ) было неизбежно смѣшеніе основъ на -*ē* съ основами, склонявшимися подобно лит. *marti*. Въ Эльбингскомъ словарикѣ имѣются рядомъ слова на -*e* и на -*i* (ср. грамматику Траутмана § 136), но вѣроятно было бы ошибочно думать, что всѣ слова на -*e* имѣли удареніе на концѣ (какъ навѣрное *wosce* «коза»), и всѣ слова на -*i* не на концѣ. Вполнѣ определеннаго результата мы здѣсь не можемъ добиться, не зная, каково количество гласныхъ, и представляютъ ли всѣ слова этого памятника формы одного и того же говора. Въ виду того, что на принадлежность этихъ словъ не одному и тому же говору указываютъ также нѣкоторыя фонетическія особенности (ср. *ee*, *ea*, *eu* изъ *ē*; *e* и *a* изъ *e*; *a* и *o* изъ *a*; *ai*, *o(a)y* и *oa* изъ *ai*), и въ виду того, что довольно многимъ словамъ на -*e* соответствуютъ литовскія формы съ удареніемъ не на концѣ, я склоненъ думать, что формы на -*e* не всѣ имѣли удареніе на концѣ, при чемъ формы на -*i* (гдѣ это -*i* восходитъ къ неударяемому -*ē*) взяты изъ какого-нибудь другого говора. Часть же словъ на -*i* вѣроятно склонялась подобно лит. *marti* (ср. наприм. *sansy* «гусь»: скр. *hāsī*; *ludini* «хозяйка»: прксл. *боиѣи* и, гот. *Saurini*, на что указалъ J. Schmidt, Neutra 45 сл.). Въ катехизисахъ же (II и III; въ I к., сохраняющемъ *ē*, не встрѣчается ном. s. основъ на -*ē*), гдѣ всякое *ē* переходитъ въ *ī* (но не въ дифтонгъ *ēj*, ср. Trautmann I. с. § 24), конечно и всѣ основы на -*ē* въ ном. s. оканчиваются на -*i*, совпадая такимъ образомъ съ основами типа лит. *marti*. Что же до *semmē* 65, 33 (*tu asse semmē* «du bist Erde») и *aulausē* 61, 23 (*sta ast givāntei aulausē* «die ist lebendig todt»), которыя Бецценбергеръ KZ. XLI 78 сл. счи-

kurische Haff») къ пом. s. *mary* «Haff». Въ мѣстоименныхъ формахъ вродѣ g. s. *stessias* или d. s. *stessiei* сохраненіе -sj- объясняется вѣроятно тѣмъ, что въ цѣломъ рядѣ падежей мѣстоименная основа была расширена общимъ элементомъ -s-, за которымъ слѣдовали разныя падежныя окончанія (ср. наприм. санскритскія формы *tas-ya*, *tas-yās*, *tas-māi*, *tas-yāi*, *tas-māt*, *tas-min*, *tas-yām*); такъ, наприм., въ d. s. *stessiei* (изъ **k tesjāi*) сохраненіе -sj- обусловлено

таетъ за i. s., принимая ихъ -ē за -en, то такому толкованію не противорѣчитъ (какъ думаетъ Траутманъ I. с. § 140) а. s. *semmīn*. Такъ какъ въ окончаніи а. s. (ср. лит. *žẽmę*) была нисходящая интонація (благодаря которой при извѣстныхъ условіяхъ въ послѣдствіи удлиняются также краткіе гласные), тогда какъ въ окончаніи i. s. (ср. лит. *žẽmė*)—восходящая интонація (при которой въ прусскомъ языкѣ удлинненія не находимъ), то въ i. s. **zemēn* могло бы произойти сокращеніе ē передъ -n (т. е. переходъ акутованнаго -ēn въ -en) еще до перехода ē въ ī (между тѣмъ какъ въ положеніи не передъ -n акутованныя конечныя долготы подъ удареніемъ сохраняются). Но тѣмъ не менѣе я затрудняюсь считать эти формы за i. s., такъ какъ появленіе (чуждаго нѣм. языку) предикативнаго творит. падежа было бы весьма странно въ столь сильно онѣмеченномъ языкѣ III катехизиса, дающаго въ общемъ переводъ отдѣльныхъ словъ, а не цѣлыхъ фразъ, и не знающаго въ общемъ творит. падежа даже послѣ предлога *sen*, ср. выше стр. 61. Поэтому я вывожу -ē въ *semmē* и *aulausē* изъ -ei, считая ихъ за такія же формы пом. s., каковы *giwei* 49, 20 «жизнь», *peisālei* 55, 33 «писаніе», **warei* (предполагается формою а. s. *warein* «власть» 31, 25 и 57, 9, Траутманъ I. с. 232) и, можетъ-быть, *giwāntei* «vivens» 61, 23 (по мнѣнію же Траутмана I. с. § 192 это—дѣепричастіе). Формы вродѣ *giwei* могли возникнуть рядомъ съ **giwē* по примѣру формъ п. s. вродѣ *mensai* рядомъ съ *mensā*; кромѣ того получалось -ei (изъ ударяемаго -ī) въ п. s. старыхъ основъ на -ī: -īā. А потомъ (послѣ перехода ē въ ī) изъ такого -ei (въ п. s.) могло получиться снова -ē; ср. -ā рядомъ съ -ai въ п. s. основъ на -ā; g. s. *stesse* «того» рядомъ съ *stessei*, d. s. *tebbe* «тебѣ» рядомъ съ *tebbei*, II л. *asse* «es» рядомъ съ *assei*, III л. *druwē* «вѣрить» изъ **druwēi(a)*, *boūse* «sit» рядомъ съ *boūsei*, be «erat» рядомъ съ *bēi*.—Предполагая смѣшеніе основъ на -ē и на -ī: -īā (благодаря общему п. s. на -i), мы лучше всего можемъ объяснить формы а. s. вродѣ *mūtien* «мать» (рядомъ съ *mūlin*), *semmien* «землю» (рядомъ съ *semmīn*): формы на -ien (изъ -īām) собственно были свойственны основамъ на -ī: -īā (объясненіе же, предложенное Траутманомъ I. с. 232 для формъ на -ien, я считаю слишкомъ механическимъ и возможнымъ только на бумагѣ). Этому не противорѣчатъ формы а. s. *mārtin* «невѣсту» (1×), *waispattin* «жену» (2×): какъ рядомъ съ *semmīn* встрѣчается *semmien*, такъ и рядомъ съ *mārtin*, *waispattin* по всей вѣроятности встрѣчались формы **mārtien*, **waispattien*. Кромѣ того ср. наприм. а. s. *noseihen* рядомъ съ *noseilin* отъ *nosēilis* «духъ».

морфологическимъ разложениемъ на *stes-jai* (въ противоположность къ формѣ мужескаго рода *stes-mu*). И въ *muisieson* сохраненіе *-sj-* объясняется вліяніемъ прочихъ формъ сравнительной степени съ *-ies-* не послѣ *s*. Что *-sj-* дѣйствительно также внутри слова переходило въ *-š-*, это доказываютъ формы *g. s. tawischas, tawwyschies* или *tawischis* «des Nächsten», *a. s. tawischan* или *tawischen*. Траутманъ I. с. 172 возводитъ *tawisch-* къ **tawiskj-*; если это дѣйствительно такъ, то все-таки *sch* могло получиться изъ *skj* только послѣ утраты *k* между *s* и *j*. Но въ виду значенія этого слова естественнѣе считать *tawisch-* за основу сравнительной степени (изъ *taw-is-j-*, ср. прскл. *болъиш-* вмѣсто **болъиш-* изъ **bol-is-j-*), и въ пользу этого говорить форма *a. s. tawisen* 61, 25 (если это не ошибка вмѣсто *tawischen*), гдѣ *-en* можетъ представлять собою дѣйствительное *-in* (изъ *-i-*; ср. грамматику Траутмана стр. 102), такъ что **tawisin* въ окончаніи походило бы на *a. s. -gimmusin* 71, 12 «родившагося». Можно еще привести *n. s. kasschis* 57, 24 «Schoss» (при *a. s. kassin* 57, 22, 24) и *a. s. teischin* 37, 16 «честь» (при частомъ *teisi-*); если въ нихъ *sch* не ошибочно вмѣсто *s* или не обозначаетъ смягченія *s* передъ *i* (какъ думаетъ Траутманъ I. с. 172), то *sch* въ нихъ перенесено изъ такихъ падежей, гдѣ оно возникло изъ *-sj-* (но противъ этого говорить, можетъ-быть, *a. s. scrij-sien* 51, 30 «крестъ» съ сохраненнымъ *-sj-*), ср. лат. діал. *pušsis* (наприм. въ Крутенѣ) вмѣсто *pušsis* «парень» съ *-š-* (изъ *-sj-*) изъ косвенныхъ падежей (въ *g. pl. menschon* 7, 2 «des Fleisches» — въ значеніи «людей» — отъ *mensā-sch-* объясняется, можетъ-быть, тѣмъ, что переводчикъ, услышавъ отъ своего толмача *mens-*, припомнилъ н. *Menschen*). Значить, въ прусскомъ языкѣ могло существовать числительное *иш-* «шесть» съ *š* изъ *sj*, ср. лат. *seši* съ *š* изъ *sj*; здѣсь (за неимѣніемъ единств. числа) во всѣхъ падежахъ имѣлось *-sj-*, такъ что рядомъ не было формъ съ простымъ *-s-*, которыя бы мѣшали переходу *-sj-* въ *-š-*, ср. лат. *piēcas* (fem. g. = лит. *peñkios*) «пять» и *rudzi* «рожь» при *lāči* «медвѣди» и *vadži* «клинья», см. ВВ. XXIX, 179.

Итакъ, также прусскій языкъ не даетъ намъ никакихъ указаний относительно древности литовскаго *š* изъ *s*. Обратимся теперь

къ славянскому *x* изъ иде. *s*. Послѣ появленія статьи Педерсена JF. V, 33 слл. можно считать установленнымъ, что въ славянскомъ получилось *x* изъ иде. *s* въ положеніи послѣ гласныхъ ряда *i* и *u* и послѣ согласныхъ *r* и *k*. Брюкнеръ, правда, оспариваетъ KZ. XLIII, 302 переходъ *ks* въ *x*, считая аористъ *рѣхъ* (къ *рекъ*) новообразованіемъ. Но держаться такого мнѣнія объ этой формѣ (рядомъ съ *рѣсь* къ *рѣбъ*!) мы имѣли бы основаніе лишь въ томъ случаѣ, если бы Брюкнеръ могъ привести примѣры съ сохранившимся *s* послѣ *k* (если бы *s* въ этомъ положеніи сохранялось, то ожидалась бы форма аориста **рѣсь* вмѣсто *рѣхъ*; а такое **рѣсь*, судя по *рѣсь*, вѣроятно и сохранилось бы неизмѣненнымъ). А такъ какъ такихъ примѣровъ (съ *s* изъ *ks*) мы не знаемъ, то намъ остается только думать, что *x* въ *рѣхъ* получилось непосредственно изъ *ks*, и въ пользу этого говорятъ также формы вродѣ *худъ*, *шесть* и др., о которыхъ была уже рѣчь выше. Если же Uhlenbeck AfslPh. XVI, 373 сл. предполагаетъ переходъ *s* въ *x* также послѣ (пра-слав.) *a*, и Соболевскій I. с. XXVI, 559 сл.—также послѣ *e*, то они должны были бы объяснить случаи сохраненія *s* послѣ *a* и *e*. А такъ какъ они этого не сдѣлали (да и не могли сдѣлать), то приходится считать фонетически правильнымъ послѣ *a* и *e* только *s*, формы же съ *x* (изъ *s*) въ этомъ положеніи—новообразованіями съ перенесеніемъ *x* изъ положенія послѣ *i*, *u*, *r*, *k*. Что въ славянскомъ возникли производительные суффиксы, начинающіеся съ *x* (которое получилось въ только-что указанномъ положеніи), это уже отмѣтили Педерсенъ JF. V, 51 сл., Вондракъ Vergl. slav. Gr. I, 354 сл., Брюкнеръ KZ. XLIII, 303 сл. Благодаря распространенію суффиксовъ съ *x* изрѣдка вытѣсняется новыми *x* также *s* изъ иде. *k*¹⁾, какъ наприм. въ р. *прохатъ* (при *проситъ*). Нѣкоторые

¹⁾ Совершенно неприемлемымъ я считаю мнѣніе Вондрака Vergl. slav. Gr. I, 260 сл. и 350, по которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ црксл. *рѣшати*, *храна*, *всь* отъ основы **вьхо-*) къ *s* изъ иде. *k* восходитъ также праслав. *x* (къ тому же иде. *k* по его мнѣнію восходитъ -*s-* въ лит. *visas* «весь»). Если Вондракъ вообще признаетъ звуковые законы, то они обязательны для него и въ данномъ случаѣ. Црксл. *рѣшати* и я считаю тождественнымъ съ лит. *raišyti* (относительно значенія ср. Pedersen JF. V, 79, Vondrák Vergl. slav. Gr. I, 260 и словарь Ульмана подъ *raisit*), но возвожу *рѣш-* изъ **рѣх-* къ иде. *droisk-*

случаи съ неправильнымъ *x* однако нуждаются въ нѣсколько иномъ объясненіи. Въ малор. *жахъ* (=ужась) наприм. могло возникнуть *x* вмѣсто *s* подъ вліяніемъ однозначащаго *срахъ*, но откуда послѣднее слово имѣетъ свое *x*? Брюкнеръ KZ. XLIII, 309 считаетъ его за «Kurzform» къ *срасть* (вродѣ п. *Stach* къ *Stanisław*, *gocha* къ *gorzalka* «водка» и др.). Но *срахъ* по своему значенію не подходитъ подъ категорію тѣхъ Kurzformen съ *x*, про которыя самъ Брюкнеръ говоритъ I. с. 304: «Es sind Vertraulichkeits- (Kose-) und Grobheitsformen, Formen mit augmentativem oder pejorativem Nebensinn». Поэтому я предпочитаю возводить *x* въ *срахъ* къ *ks*. Объ этомъ думалъ уже Педерсенъ JF. V, 49, сближая *срахъ* съ латинск. *strages* «низверженіе». Но по значенію это слово слишкомъ расходится съ *срахъ*; гораздо ближе подходитъ лат. *struōstīt* или *struostēt* «bedrängen, scharf warnen» (ср. р. *страцать*), которое однако не имѣетъ никакого *k* передъ *s*. Тѣмъ не менѣе это латышское слово можетъ считаться родственнымъ съ *срахъ*. Что же до *k* въ **strōksos* (>*срахъ*), то можно думать, что въ праславянскомъ иногда вставлялось передъ *s* такое же *k*, какое столь часто вставляется передъ свистящими и шипящими въ балтійскихъ языкахъ. Это явленіе еще нуждается въ подробномъ изслѣдованіи, но не желая прервать хода изложенія, я намѣренъ заняться этимъ вопросомъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же я ограничусь указаніемъ, что по всей вѣроятности такое вставное *k* встрѣчалось уже въ балтійскомъ праязыкѣ. А если это такъ, то не исключена далѣе возможность, что оно вставлялось уже въ эпоху болѣе или менѣе тѣснаго единства славянскихъ и балтійскихъ племенъ. Нѣтъ, насколько я вижу, никакихъ данныхъ, которыя бы мѣшали этому предположенію ¹⁾, и оно удовлетворительно объясняетъ загадочное до сихъ

(ср. выше стр. 58) изъ болѣе древняго *vroik sk-*, ср. иде. *misk-* (въ латинск. *misceo* и др.) изъ *mik sk-* (ср. скр. *mišrā-s* «смѣшанный», чрксл. *мѣсити*). О словѣ *храна* см. выше стр. 42; относительно же **vxo-* показываетъ лит. *visas*, что *x* можетъ тутъ восходить только къ иде. *s*.

¹⁾ Само это *k* въ славянскомъ не могло сохраниться: *ks* передъ гласнымъ перешло въ *x*, а *ks* передъ согласными было упрощено въ *s* въ силу закона объ открытых слогахъ.

поръ *x* въ *страхъ* и нѣкоторыхъ другихъ словахъ.—Что же касается начального *s*-, то довольно многіе примѣры показываютъ, что *s* въ этомъ положеніи собственно сохраняется. Есть однако нѣсколько болѣе или менѣе убѣдительныхъ примѣровъ съ *x*- изъ иде. *s*-. Изъ нихъ *ходити* вполне удовлетворительно объяснено Педерсеномъ JF. V, 62 сл. (*x*- обобщено изъ сложныхъ *приходити* и *уходити*). Что касается случаевъ вродѣ црксл. *хулити* «blasphemare»: гот. *bisauljan* ¹⁾ «запятнать», то въ крайнемъ случаѣ можно ихъ *x*- (герм. *s*-) возводить къ иде. *ks*-, ср. Pedersen l. c. V, 64. Но слишкомъ сомнительно, по крайней мѣрѣ, такое происхожденіе славянскаго *x*- въ црксл. *хромъ*: скр. *sr̥má-s* «хромой» (ср. Pedersen l. c. V, 70 сл.). И ссылки на формы вродѣ р. *прихрамывать* или праслав. **ноу-хромъ* «krank an den Füßen» (Pedersen l. c. V, 70, съ вопросительнымъ знакомъ) и праслав. **объхрѣмѣти* > црксл. *охрѣмѣти* (Uhlenbeck AfslPh. XVI, 383) не выясняютъ тутъ перехода *s*- въ *x*-, что вообще когда-либо или, по крайней мѣрѣ, во время возникновенія *x* изъ *s* существовала форма **объхрѣмѣти* (съ *ѣ* послѣ *б*), это далеко не безспорно (ср. Rozwadowski Roczn. Slawist. II, 87 слл. и Фортунатовъ, Сборникъ Лам. 1439 слл.); и переходъ фонетически правильнаго **сромъ* въ *хромъ* подъ влияніемъ только что приведенныхъ сложныхъ формъ могъ бы казаться возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы послѣднія употреблялись гораздо чаще, чѣмъ само прилагательное **сромъ*, а утверждать это я не рѣшился бы. По этой же причинѣ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи начального *x*- не имѣютъ никакого значенія ссылки Uhlenbeck'a l. c. XVI, 382 на сложные формы *съхранити*, **възхотѣти*, **възъхулити*, **възъхытити*, **безъхыбѣнь*, **объхоль*, **объхладати*, **възъхвалити*, *съхвалити* и др. Кромѣ того, во время перехода *s* въ *x* префиксы въ этихъ формахъ по всей вѣроятности вовсе не оканчивались на *й* (или *ѣ*). И если Вондракъ Vergl. slav. Gr. I, 360 склоненъ думать, что «ein nachfolgender dunkler Vokal» вызывалъ переходъ *s*- въ *x*-, то какъ же онъ объясняетъ р. *смурый* (рядомъ съ *хмурить*) и другія формы съ *с*- передъ *о*, *у*? При объ-

¹⁾ Другую этимологію для *хулити* предлагаетъ Бернекеръ въ своемъ этимологическомъ словарѣ.

ясненіи *x-* въ *хромъ* и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что *s* перешло въ *x* вѣроятно черезъ переходную ступень *š*, ср. JF. V, 74. Далѣе уже указано (ср. KZ. XLII, 376 и словарь Бернекера подъ *gnida*), что въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языкахъ въ словахъ, обозначающихъ нѣчто, къ чему относятся съ презрѣніемъ или съ отвращеніемъ, смягчаютъ одинъ изъ корневыхъ согласныхъ, свистящіе же звуки замѣняютъ также соответствующими шипящими, ср. наприм. лат. *šmaulis* рядомъ съ *maulis* «неряха». Итакъ, я считаю возможнымъ, что по этому же мотиву также въ праславянскомъ кое-гдѣ фонетически правильное *s* было замѣнено шипящимъ *š* (перешедшимъ впоследствии, одновременно съ *š* изъ *s* послѣ *i*, *u*, *r*, *k*, въ *x*); такъ скорѣе всего объясняется *x-* (изъ *š-*) въ *хромъ*, *хворъ* (: др.-врхн. *svēro* «боль, болѣзнь»; говоря о происхожденіи *x-* въ *хворъ*, также Педерсенъ JF. V, 81 указываетъ, что это—Bezeichnung der kränklichen Schwerfälligkeit»), *хламъ*, *хмура* (ср. р. *похмура*, *хмура*), *хныкати* (ср. однозначашее лат. *šnikstet*) и, можетъ быть, также въ *хула* (если въ этомъ словѣ *x-* получилось изъ *š-*, то подъ вліяніемъ этого **šula* вѣроятно въ противоположномъ по значенію словѣ **švala* > *xvala* возникло *š-* вмѣсто закономѣрнаго *s-*) и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ. И послѣ перехода *š* въ *x* еще изрѣдка возникаетъ *š* вмѣсто *s*, и это болѣе позднее *š* уже сохраняется, такъ, наприм., въ ч. *šmouřiti se*, р. *нашмуриться* (рядомъ съ *нашмуриться* и *смурьтъ*) и р. *шкура* (рядомъ съ бѣлор. и ч. *skura*; ср. гр. *σχυτος* «кожа» и др.).

Если въ славянскихъ языкахъ на мѣстѣ иде. *s* мы находимъ спирантъ *x* приблизительно при такихъ же условіяхъ, при какихъ въ арійскихъ языкахъ старое *s* было замѣнено шипящимъ *š* (ср. Pedersen JF. V, 75), то невольно приходитъ въ голову мысль о связи славянскаго *x* (изъ иде. *s*) съ арійскимъ *š*. Слав. *x* можетъ, какъ полагаетъ Педерсенъ, восходить къ болѣе древнему *š* (и если мои соображенія о возникновеніи *x* въ формахъ вродѣ *оръхъ* и *хромъ* правильны, то между *s* и *x* обязательно была переходная ступень *š*)¹⁾,

¹⁾ Данныя же, приведенныя Педерсеномъ l. c. V, 76 въ пользу *š*, мнѣ кажутся неубѣдительными: *шу-* въ *шумъ* и *шустрий* могло бы восходить къ *sjom-*

кахъ иде. сочетанія *or, ar, ol, al, er, el* среди согласныхъ развиваются совершенно параллельно и одинаково даютъ въ концѣ этого развитія открытые слоги, въ полабскомъ и кашубскомъ только иде. *ol, al, er, el* подвергаются перестановкѣ, тогда какъ иде. *or* и *ar*, совпавши въ *or*, сохраняются въ полабскомъ, въ кашубскомъ же гласный передъ *r* подвергся удлинению (ср. Сборникъ статей, посвящ. Ф. Θ. Фортунатову, 539 сл.). Допуская, значить, даже связь литовскаго *š* со славянскимъ *x*, все-таки приходится констатировать старое діалектическое различіе среди тѣхъ говоровъ индоевропейскаго праязыка, къ которымъ восходятъ славянскіе и балтійскіе языки. Но переходъ *s* въ *š* послѣ *r* мы встрѣчаемъ также въ нѣмецкомъ языкѣ, а между нѣмецкимъ *š* и тѣмъ же звукомъ въ праславянскомъ и арійскомъ конечно нѣтъ никакой связи. Поэтому я считаю по крайней мѣрѣ очень возможнымъ, что также лит. *š* изъ *s* только случайно (да и то лишь частично) совпадаетъ съ аналогичнымъ звукомъ арійскихъ и славянскихъ языковъ. Что же касается древности этого литовскаго *š*, то мы не располагаемъ никакими данными для рѣшенія вопроса, восходитъ ли это *š* къ эпохѣ прабалтійской или къ эпохѣ литовско-латышской, или же возникло оно только на литовской почвѣ.

Не было бы никакого стараго различія по отношенію къ иде. *s* между славянскими и балтійскими языками лишь въ томъ случаѣ, если бы старое *s* только на славянской почвѣ стало измѣняться въ *x*. И есть языковѣды, которые дѣйствительно держатся того мнѣнія, что переходъ *s* въ *x*—явленіе специально славянское. Такъ, наприм., Uhlenbeck KZ. XXXIX, 599 сл. и PBrV. XXX, 301 сл., сопоставляя по примѣру другихъ црксл. *дръзати* и др. съ гот. *gaddars* «дерзаю» и др. и црксл. *мръзѣти* и др. съ гот. *marzjan* «ärgern, Anstoss geben» и др. и выводя въ виду этого сопоставленія слав. *z* въ этихъ словахъ изъ иде. *s*, приходитъ къ заключенію, что *s* перешло въ *z* раньше перехода *s* въ *x*, такъ какъ де въ противномъ случаѣ въ приведенныхъ слав. словахъ имѣлось бы *x* вмѣсто *z*. А поэтому, заключаетъ Uhlenbeck, нельзя также думать о связи славянскаго *x* изъ *s* съ арійскимъ *š* изъ *s*. Возражающій

ему Педерсенъ, не оспаривая ¹⁾ перехода *s* въ *z* (о которомъ ср. Zupitza KZ. XXXVII, 397 сл.), предполагаетъ KZ. XL, 179 также переходъ *š* (изъ иде. *s*) въ *ž*, причемъ ему приходится допустить, что во время перехода *š* (изъ *s*) въ *x* соответствующій звонкій спирантъ *ž* (изъ *š*) сохранялся и только впоследствии, одновременно съ переходомъ уцѣлѣвшаго передъ взрывными *š* (изъ *s*) въ *s*, перешелъ въ *z*. Несмотря на заключительныя слова Педерсена, что «anders könnte man es überhaupt nicht erwarten», дѣло на мой взглядъ не такъ просто. Если бы дѣйствительно когда-то имѣлъ мѣсто переходъ *š* (изъ *s*) въ *ž*, то мы ожидали бы видѣть также, наприм., праслав. **blžá* вмѣсто **blxá* и **jžá* вмѣсто **juxá*; кромѣ того, сохраненіе *ž* (изъ *š*) во время перехода *š* въ *x* едва ли такъ естественно, какъ это представляется Педерсену: рядомъ съ *x* скорѣе ожидается соответствующій звонкій спирантъ. Поэтому я считаю предполагавшійся Педерсеномъ переходъ *š* въ *ž*, по крайней мѣрѣ, довольно сомнительнымъ. Переходъ же праслав. *s* въ *z* передъ удареніемъ доказывается, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ, словами р. *поздря* и *мяздра*. Но если Zupitza l. c. въ виду слова *сестра* полагаетъ, что передъ удареніемъ *s* перешло въ *z* только послѣ предшествующаго *n*, *m* или звонкаго взрывнаго +*r*, *l*, то въ этомъ онъ врядъ ли правъ (почему бы звонкость вызывалась только согласными *n*, *m*, а не *r*, *v* и др.?). Сочетаніе -*сmp*- (вмѣсто -*здр*-) въ *сестра* ²⁾ объясняется или вліяніемъ со стороны тѣхъ формъ (какъ вос. s. и пом. pl.) этого слова, которыя имѣли удареніе на начальномъ слогѣ, или же вліяніемъ слова *брамръ*. Такъ и въ р.

¹⁾ Впоследствии, однако, JF. XXVI, 294 онъ уже отрицаетъ этотъ переходъ, причемъ ему приходится выводить *o* въ *проза* изъ *m*!

²⁾ Сочетаніе -*сmp*- имѣется также въ праславянскомъ *(*j*)*ustro* «утро», откуда цркл. за *устра* въ Син. пс и староп. *justrozenka* «stella matutina» въ словарѣ Бернекера 462. Но въ этомъ словѣ -*сmp*- могло бы фонетически возникнуть изъ -*sr*- лишь въ томъ случаѣ, если бы переходъ *sr* въ *str* былъ старше перехода *s* въ *š*, такъ какъ (какъ показываетъ цркл. *хромъ* съ *хр*- изъ *šr*-, см. выше стр. 72) между *š* и *r* не вставлялось *t*. Но само это *хромъ* показываетъ, что старше былъ переходъ *s* въ *š*. Ожидается, значитъ, не *(*j*)*ustro*, но *(*j*)*ušro* изъ *(*j*)*ušro*. Я полагаю поэтому, что въ *(*j*)*ušro* было вставлено *t* между *š* и *r* подъ вліяніемъ однозначащаго (*j*)*utro*.

чесать, коса, касить и др. сохранение *s* может быть обусловлено влиянием тѣхъ формъ этихъ же корней, въ которыхъ *s* находилось передъ неударяемымъ слогомъ; то же относится и къ *весна* (ср. р. вин. п. *вѣснѹ* и множ. ч. *вѣсны*) и *роса* (ср. серб. вин. п. *рѣсу* и прилагательное *рѣсан* или *рѣснат* «*roscidus*»), при чемъ нѣкоторыя формы съ *s* не передъ удареніемъ могутъ быть утрачены, ср. наприм. латинск. *ros* «роса». Бругманъ, правда, говоритъ Grdr. II², 1, 381, что такое объясненіе звонкаго *z* въ *ноздри* и *мѣздра* «*unrichtig*», и находитъ въ этихъ словахъ иде. суффиксъ *-dhro-*. Но это могло бы казаться правдоподобнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы мы находили на славянской почвѣ это *-dhro-* (какъ секундарный суффиксъ) не только послѣ корневаго *s*, но и послѣ другихъ звуковъ, чего не видимъ. И въ пользу перехода *s* въ *z* непосредственно передъ удареніемъ говорятъ еще и другія слова. Изъ тѣхъ примѣровъ, которые привелъ Zupitza l. с., особенно убѣдительными я считаю малор. *мязнути* «толстѣть» (: *мясо*) и праслав. *grozá* (: лит. *grasà* «отвращеніе; угроза, строгость, страхъ»), *groziti* (: лат. *grasitiēs* «грозить»). А если это такъ, то проще всего и естественнѣе возводить также *-zdr-* въ *ноздри* и *мѣздра* къ старому *-sr-* (передъ удареніемъ), сохранившемуся въ лит. *nasraĩ* «пасть» и др.-ирл. *mír* «кусокъ» (съ *r* изъ *sr*). И что такой переходъ *s* въ *z* (непосредственно передъ удареніемъ) самъ по себѣ не можетъ считаться невѣроятнымъ, показываютъ намъ аналогичныя явленія въ родственныхъ языкахъ: такъ наприм. въ англійскомъ языкѣ, ср. KZ. XXXIX, 245, въ словахъ *absolútion* и *philósophy* и др. *s* сохраняется въ произношеніи, между тѣмъ какъ въ словахъ *absólve* и *philosóphical* и др. буква *s* произносится какъ *z*; и также въ лат. *pusudtra* (съ удареніемъ на второмъ слогѣ) «полтора» *s* часто въ произношеніи переходитъ въ *z*. Затѣмъ, по моему мнѣнію, такой же переходъ *s* въ *z* вѣроятно имѣлъ мѣсто также въ части литовскихъ говоровъ, гдѣ впрочемъ дѣло осложняется возможностью возводить *z* къ *zd*. Наиболѣе убѣдительнымъ примѣромъ я считаю восточнолит. *juozmiõ* (у Юшкевича и Явниса, Понев. гов. II, 24) = *juosmiõ* «поясъ», гдѣ я даже не нашелъ бы возможнымъ выводить *z* изъ *zd*. Далѣе ср. восточнолит. *krimzlẽ* (въ Ду-

сятахъ) ¹⁾ = *kremslė* «хрящъ»; *gaĩzdras* (у Юшкевича; *d* можетъ быть вставлено) «заревъ» = *gaĩsras* (п. pl. *gaĩsraĩ*) или *gaĩstras* (въ Тельшахъ); *žiezdrà*, -*õs* «Grandkorn» и *žizdrà* (въ Янишкахъ) «крупный песокъ»: средневрхн. *kis* «дресва»; *kiñzras* (у Юшкевича подѣ *grūbas*): *kĩmsas* (въ Дусятахъ, съ *im* изъ *ém*) «кочка». Если въ послѣднихъ словахъ *z(d)* дѣйствительно восходитъ къ *s*, то сохраненіе *s*, напримѣръ, въ *nasraĩ* «ноздри» (въ Дусятахъ) я объяснялъ бы вліяніемъ родственныхъ формъ съ *s* послѣ ударенія (наприм. *nósis* «нось»); но не исключена возможность, что въ этихъ словахъ -*z(d)ra-*, -*zdrā-* восходятъ къ иде. -*sdhro-*, -*sdhrā-*, ср. Brugmann Grdr. II², 1, 378 слл. Для болѣе опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса было бы необходимо знать весь словарный составъ тѣхъ говоровъ, изъ которыхъ взяты вышеприведенныя слова съ *z*. Между тѣмъ какъ для перехода *s* въ *z* (передъ удареніемъ) въ положеніи передъ *m*, *n*, *r*, *l* по крайней мѣрѣ *juoztmiõ* можетъ служить довольно надежнымъ примѣромъ, столь же хорошаго примѣра для такого же перехода *s* въ *z* непосредственно передъ гласнымъ я не знаю: существованіе рядомъ съ *mosiõti* «махать» и *mozioiti* по крайней мѣрѣ сомнительно (ср. Leskien JF. XIX, 209); и въ *vaikėzas* (Bezzenberger, Lit. Forsch. 194) или *vaikėzas* (Mitt. d. lit. litter. Ges. II, 14) «подростокъ» (при однозначашемъ *vaikėsas* въ Хвейданахъ, у Юшкевича подѣ *atjoti* и др., ср. Leskien, Bild. d. Nomina 594) *z*, можетъ быть, восходитъ къ *zd*, ср. *vaikėsčiai* «молодыя дѣти» и также *vaikūzas* «Bube» у Куршата и Бенценбергера l. c. 59.

Какъ бы то ни было съ литовскимъ *z* изъ *s*, для славянскихъ языковъ переходъ *s* въ *z* непосредственно передъ ударяемымъ слогомъ на мой взглядъ можетъ считаться доказаннымъ. Что же до црксл. *мръзѣти* и *дръзати*, то относительно *мръзѣти* уже Миклошичъ въ своемъ этимологическомъ словарѣ былъ склоненъ думать о тожествѣ *мръзѣти* «abominari» съ *мръзѣти* «congelari». И въ виду семасіологическихъ параллелей вродѣ слав. *stud-:styd-* (напр. ч. *ostuditi* «abkühlen, ekelhaft machen»), латинск. *horrere* «содро-

¹⁾ Литовскія формы, приведенныя мною не изъ печатнаго источника, сообщены мнѣ Каз. Каз. Бугою.

гаться отъ холода, отъ страха» или нѣм. *Schauder* «ознобъ, ужасъ» я считаю эту догадку Миклошича въ высшей степени правдоподобной. А если *мрѣзняти* первоначально значило «мёрзнуть», то оно уже по своему значенію вѣроятно не имѣетъ ничего общаго съ прагерм. **marzjan* «препятствовать» (у Фика, Vrgl. Wrtb. III⁴, 313); кромѣ того, въ слишкомъ многихъ формахъ отъ этого славянскаго корня удареніе на первомъ слогѣ, такъ что и по этой причинѣ едва ли позволительно возводить тутъ *з* къ *s*. Рѣшительно, наконецъ, это опровергается албанскимъ *marđ-* «fröstle, schauere», ср. Meyer, Etym. Wrtb. d. alban. Spr. 260. Црксл. же *дрѣзъ* по своему значенію совершенно сходится съ гр. *θραβός* и др.; и хотя далеко не во всѣхъ славянскихъ формахъ этого корня мы находимъ *з* непосредственно передъ ударяемымъ слогомъ, въ крайнемъ случаѣ можно было бы думать объ обобщеніи *з* изъ *s* и объяснять *з* въ р. *дѣрзкій* и *дѣрзость* вліяніемъ формъ *дерзѣтъ* и *дерзѣуть*. Но отрицать связь славянскаго *х* (изъ *s*) съ аріискимъ *š* (изъ *s*) только изъ-за одного этого слова я рѣшился бы лишь въ томъ случаѣ, если бы я не зналъ никакого другого объясненія для *з* въ црксл. *дрѣзъ* и др. А между тѣмъ ничто намъ не мѣшаетъ думать вслѣдъ за Meillet (JF. V, 333), что на славянской почвѣ въ корнѣ *derš-* (изъ иде. *dhers-*) «audere» *š* было замѣнено звонкимъ *ž* (откуда потомъ *з*) подъ вліяніемъ корня *derž-* (изъ иде. *dherg h-*), который встрѣчается наприм. въ латинск. *fortis* (при старолатинск. *fortetis* «bonus») и ав. *deržgra-* «крѣпкій». Если же это такъ, то не остается никакихъ данныхъ, заставляющихъ насъ думать, что только на славянской почвѣ (а не раньше) *s* стало переходить въ *х*. А въ такомъ случаѣ связь славянскаго *х* съ аріискимъ *š* мнѣ представляется весьма правдоподобной. Вмѣсто мнимаго совпаденія славянскихъ и балтійскихъ языковъ, мы, значить, тутъ скорѣе находимъ старое различіе между ними.

За то мы находимъ полное совпаденіе славянскихъ и балтійскихъ языковъ въ судьбахъ гласнаго *e* передъ *ц*. Относительно дифтонга *ei* когда-то раньше было принято думать, что въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ онъ вполне совпалъ съ дифтонгами *oi* и *ai*. Но послѣ того, что писали объ этомъ I. Шмидтъ

KZ. XXIII, 348 сл., Крушевскій РФВ. V, 70 сл., Ульяновъ Основы настоящ. времени 36 сл., 64¹ и 100 сл., Zupitza Germ. Gutt. 145¹ (ср. также KZ. XL, 254 сл.), и особенно послѣ статьи Бернекера JF. X, 145 сл. (ср. также AfslPh. XXV, 488 сл.) начинается преобладать мнѣніе, по которому изъ *ei* получается въ славянскомъ *ji* и въ балтійскомъ *jai*. Безусловно или съ нѣкоторыми оговорками съ этимъ соглашаются, наприм., Ильинскій AfslPh. XXIX, 481 сл., Поржезинскій Къ исторіи формъ спряж. 78 сл. и 89 сл., Vondrák Vrgl. slav. Gr. I, 15 сл., Trautmann Altpr. Spr. 147 сл., Кульбакинъ, Древне-церк.-слов. яз. I § 20 и Meillet JF. X, 68, MSL. XIV, 354 сл. и Introd. à l'étude compar.² 84; и къ тому же склоняются Brugmann KVG. 87 сл. и Leskien Gramm. d. altb. Spr. 13 сл. Противъ этого возражали Bezzenberger BB. II, 141 сл., Osthoff Etymol. Par. I, 261 сл., Brückner KZ. XLIII, 324 сл. (тогда какъ JF. XXIII 218 онъ по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ славянскихъ словъ допускаетъ возможность, что ихъ *ji* восходитъ къ иде. *ei*), Wiedemann Lit. Präter. 17 сл. и 184 сл. и Mikkola JF. XVI, 95 сл. и Roczn. Slaw. I, 9 сл., причемъ Видеманъ, Миккола (отказываясь отъ своего прежняго мнѣнія, что слав. *ji* и балт. *jai* восходятъ къ иде. «*ei*») и Johansson JF. VIII, 172¹ возводятъ слав. *ji* и балт. *jai* къ иде. *ēi*. Zubatý же, AfslPh. XX, 396 сл. и Коршъ (Сборн. статей, посвящ. Ф. Θ. Фортунатову 313 сл.) склонны думать, что изъ *ei* получалось слав. *ji* (балт. *jai*) только передъ гласными передняго ряда, тогда какъ передъ гласными задняго ряда *ei* совпало съ *ai*, *oi*. Безспорнымъ послѣ всей этой литературы я считаю происхожденіе праслав. *ji* и балт. *jai* отъ иде. *ei* и *ēi* за исключеніемъ тѣхъ словъ, которыя заимствованы (если ихъ подлинникъ не заключалъ въ себѣ дифтонга *ei*), или въ которыхъ *j* передъ слав. *и* и балт. *ai* восходитъ къ иде. *i* (какъ вѣроятно, наприм., въ чрксл. *плюѣ* и лит. *spīduji* «плюю»), или въ которыхъ это *j* не является чисто фонетическимъ (путемъ обобщенія *j* изъ формъ со слав. *ji* и балт. *jai* изъ иде. *ei* и *ēi* можетъ иногда переходить также въ формы того же корня со слав. *и* и балт. *ai* изъ иде. *ai* и *oi*; и *j* можетъ вставляться для видоизмѣненія значенія, о чемъ ср. выше стр. 72). Иначе никакъ нельзя

объяснить слав. *ju* и балт. *jai*, наприм., въ црксл. *людыѣ*, лат. *l'aidis*, лит. п. s. *liaudis* (наприм. d. s. *laudii*¹⁾ «людямъ» у Даукши Post. 54, 3; g. s. *laudies* l. c. 32, 27) при древневрхн. *liut*; црксл. *любити* при гот. *lufs*; црксл. *блюсти* при гр. *πεύδομαι*; лит. *šidaurė* «сѣверъ» при црксл. *сѣверъ*; пр. *reuse* (гдѣ *rei-* вѣроятно изъ прабалт. *prai-*, ср. Trautmann Altpr. Spr. 148 сл.) «сосна» при гр. *πέυχη* и др. Считать эти слова заимствованіями нѣтъ никакого основанія, и даже допуская возможность заимствованія хотя бы для перваго изъ только что приведенныхъ славянскихъ и балтійскихъ словъ, мы все равно не избавляемся отъ необходимости признать для славянскихъ и балтійскихъ языковъ переходъ *ei* въ *jai* (или *jou*), такъ какъ изъ германскаго *lei* > *li-* не могло непосредственно получиться балт. *lai-* (слав. *li-*). Даже въ заимствованномъ, по всей вѣроятности, праслав. **bl'udo bju-* (откуда *bl'u-*) восходитъ не къ германскому *biu-* (изъ болѣе древняго *beu-*), но черезъ *bjou-* къ болѣе древнему слав.-балт. *beu-* (изъ герм. *b(h)eu-*); это намъ показываетъ заимствованное изъ славянскихъ языковъ лат. *bl'uidā*, изъ котораго, кажется, не могло получиться изъ праслав. *ū* (>*u*), но только изъ дифтонга *ou* или же изъ гласнаго (получившагося изъ *ou*), средняго между *ō* и *ū*. Что же касается гипотезы, по которой только *ei* (а не *eu*) переходитъ въ слав. *ju* и балт. *jai*, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ (какъ несомнѣнно въ литовско-латышскомъ окончаніи I л. ед. ч. прош. вр. основъ на *-ē* и вѣроятно также въ лит. *šidaurė* и др.), правда, эти сочетанія восходятъ къ старому *ei*, но изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что всякое балт. *jai* (и слав. *ju*) получилось именно изъ *ei* (а не *eu*). Въ словахъ вродѣ црксл. *людыѣ*, *любити*, *блюсти*, лат. *l'aidis* и пр. *reuse* происхожденіе слав. *ju* и балт. *jai* изъ *ei* не только ничѣмъ не можетъ быть доказано, но даже не кажется правдоподобнымъ. Мало того, я считаю очень вѣроятнымъ или по крайней мѣрѣ возможнымъ, что *ei* еще до своего перехода въ *jai* было сокращено въ *ei*, такъ какъ я полагаю, что изъ *ei* легче могло возникнуть *jai*, чѣмъ изъ *ei*. Процессъ возникновенія этого *jai*

¹⁾ l у Даукши обозначаетъ смягченное l.

скорѣе всего происходилъ именно такимъ путемъ, что тотъ переходный гласный, который непремѣнно развивается въ дифтонгъ *ei* между *e*¹⁾ и *и*, съ теченіемъ времени (вслѣдствіе того, что *e*, ассимилируясь слѣдующему за нимъ *и*, стало измѣняться въ направленіи къ гласному задняго ряда, подвергаясь при этомъ нѣкоторому излому) сталъ все сильнѣе и сильнѣе, пока наконецъ не возобладалъ настолько надъ *e*, что это *e*, становясь неслоговымъ, дало въ концѣ концовъ *j* (ср. съ этимъ итальян. *piaccia* изъ латинск. *placēat*, атт. *στερρός* изъ *στερεός* «твердый» и древнесакс. *hōrean* при *hōrjan* = гот. *hausjan* «слушать»). Съ краткимъ же *e* скорѣе могло произойти такое измѣненіе (въ дифтонгъ *ei*), чѣмъ съ долгимъ *e*, такъ какъ надъ долгимъ *e* переходному звуку труднѣе было бы возобладать. И въ литовско-латышскихъ формахъ I л. ед. ч. прош. врем. основъ на *-ē* окончаніе *-ēi*, не сократившись въ *-ei*, врядъ ли перешло бы въ *-jai*, такъ какъ *-ēi* держалось бы вліяніемъ окончаній прочихъ лицъ (*-ēi*, *-ē(t)*, *-ēme*, *-ēte*) съ одной стороны и благодаря аналогичному отношенію (въ основахъ на *-ā*) окончанія *-āi* къ окончаніямъ *-āi*, *-ā(t)*, *-āme*, *-āte* съ другой стороны. А послѣ сокращенія *ē* въ *-ēi*

¹⁾ На основаніи литовскаго и прусскаго языковъ (ср. также арійское *a* изъ *e*) можно думать, что это *e* было весьма открытымъ гласнымъ (*ä*), произносившимся при низкомъ положеніи языка, и данныя славянскихъ языковъ этому не противорѣчатъ (первоначальное произношеніе *e* могло измѣниться на славянской почвѣ); въ такомъ случаѣ переходнымъ гласнымъ (въ *äi*) могъ быть соотвѣтствовавшій этому *ä* гласный задняго ряда, т. е. *a* (откуда праслав. *o*).—Иначе, но на мой взглядъ невѣрно, смотреть на возникновеніе *jai* Поржезинскій I. с. 80, утверждая, что *e* въ «литовскославянскомъ» *ei* стало приближаться къ *и* по отношенію къ степени поднятія языка, т. е. стало болѣе верхнимъ гласнымъ, а въ связи съ этимъ будто бы происходило и измѣненіе въ условіяхъ образованія предшествовавшаго согласнаго, получавшаго нѣкоторое смягченіе. Но въ эту эпоху даже *i*, наиболѣе верхній гласный передняго ряда, не оказывалъ еще никакого смягчающаго вліянія на предшествующій согласный; такъ почему бы *e* передъ *и* оказывало такое вліяніе? И откуда въ такомъ случаѣ получилось *j* въ начальномъ *jai* изъ *ei* (какъ вѣроятно въ лит. *jūra* «топкое болото», ср. Trautmann Apr. Spr. 466 подъ *wurs*)? И если Поржезинскій далѣе говорить, что *ei* послѣ несмягченнаго согласнаго (явившагося сюда взамѣнъ смягченнаго согласнаго изъ родственныхъ формъ не съ *ei*) въ общебалтійскомъ языкѣ обратилось въ *ai* (а не *jai*), то откуда же получилось литовско-латышское *-jai* въ I л. ед. ч. прош. врем. основъ на *-ē* вмѣсто ожидаемаго согласно теоріи Поржезинскаго *-ai*? Въ литовско-латышскомъ праязыкѣ согласные (кромя *k* и *g*) вѣдь вовсе не смягчались передъ *e*!

(и *-ēi*) и сопряженного съ этимъ качественного измѣненія *e* связъ окончанія *-ei* съ прочими окончаніями была уже слабѣе, такъ что могъ состояться переходъ *-ei* въ *-jai* (>лат. *-ji*). Этому предположенію о предварительномъ сокращеніи *ei* въ *ei* до перехода въ *jai* нисколько не мѣшаетъ литовское окончаніе dat. s. основъ на *-o*, хотя и я (къ чему я вернусь еще въ другомъ мѣстѣ) вывожу это *-ui* черезъ *-uoī* изъ иде. *-ōi*. Внутри слова сокращеніе «долгихъ» дифтонговъ могло произойти раньше (еще въ «славяно-балтійскую эпоху»), чѣмъ на концѣ слова. Въ пользу этого говорить отношеніе лит. i. pl. *vilkaĩs* (=скр. *vř'kaiš*) къ dat. s. *tāmui* (:скр. *tás-māi*); данныхъ же, которыя бы противорѣчили такому предположенію, я не знаю (литовско-латышское *uo* повсюду можетъ восходить не къ иде. *ou*, но къ иде. *ō*; а литовско-латышскія формы съ *ui* вродѣ лит. *rūišis* «хромецъ» при *raišas* «хромою» и др., ср. Bezzenberger Zbornik Jagića 279, правда, еще не объяснены, но возводитъ ихъ *-ui-* къ иде. *-ōi-* я не рѣшился бы уже въ виду окончанія i. pl. *-aiš*).

Если, такимъ образомъ, слав. *ji* и балт. *jai* (за исключеніемъ вышеупомянутыхъ случаевъ) восходятъ къ иде. *ei* и *ēi*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что всякое иде. *ei* и *ēi* обратилось въ слав. *ji* и балт. *jai*, или что всякое слав. *и* и балт. *ai* восходитъ не къ иде. *ei*, но къ иде. *ai* и *oi*. Опровергнуть, правда, нельзя мнѣнія тѣхъ, которые увѣрены въ правильности этой гипотезы о судьбѣ иде. *ei* и *ēi*. Въ противорѣчащихъ этому случаяхъ вродѣ прабалт. **tautā'*:гот. *þiuda* или литовско-латышскомъ **lau'kas*:гр. *λευχός* можно въ крайнемъ случаѣ думать о такомъ же чередованіи гласныхъ, какое мы находимъ наприм. въ гр. *ταῦρος*:древнеисл. *þjórr* или лат. *vaina*, старолит. *vaina*:црксл. *вина* и др.¹⁾ Но, можетъ быть, все-таки правильнѣе мнѣніе Зубаго и Корша, по которому *ei* обратилось въ слав. *ji* и балт. *jai* только передъ гласными передняго ряда, тогда какъ передъ гласными задняго ряда получается слав. *и* и балт. *ai*. Въ пользу этого говорить прежде всего то

¹⁾ Что до гот. *þiuda*, то de Saussure (Mémoire sur le système prim. des voyelles 77) даже находитъ, что его *i* (изъ *e*) вмѣсто ожидаемаго имъ *a* (изъ *o*) «est surprenant».

обстоятельство, что словъ съ балт. *jan* и слав. *ju* (изъ иде. *eu* и *eu*), кажется, меньше, чѣмъ можно было бы ожидать, если бы всякое *eu* и *eu* обратилось въ слав. *ju* и балт. *jan*. Затѣмъ формъ съ балт. *jan* (и слав. *ju*) передъ гласными задняго ряда я нахожу меньше, чѣмъ формъ съ этимъ дифтонгомъ передъ гласными передняго ряда, и къ послѣдней категоріи относятся какъ разъ наиболѣе убѣдительные (для перехода *eu* и *eu* въ *jan*) примѣры: лат. *l'audis*, прксл. *люды* (подъ вліяніемъ этой формы могло бы имѣть свое *ю* слово *люды*); прксл. *любити* (отсюда, можетъ быть, съ *ю* *любы* и *любы*), лит. *liaupsė* «хвала»; прксл. *блѣсти*, *чѣти*; лит. *kidinė* «куница», *kidušė* «черепаха», *šidurė*, *liūtis* «прекращаться»; лат. *šaut* «стрѣлять»; пр. *peuse* «сосна». И наоборотъ: правилу о переходѣ всякаго иде. *eu* и *eu* въ *jan* больше всего противорѣчатъ лит. *tautā* и *laukas*, т. е. формы съ *ai* передъ гласнымъ задняго ряда. Такъ, можетъ быть, объяснялось бы по указанію Корша I. с. и р. *чудесникъ* (съ обобщеніемъ *ку*- изъ **кудо* съ *ку*- изъ иде. *ken*-, вытѣсненнаго впослѣдствіи новообразованіемъ *чудо* подъ вліяніемъ формъ съ *чудес*-) при *чудес*-. Что же до формъ съ *jan* передъ гласными задняго ряда (лит. *piaulai*, лат. *prauli*¹⁾ «гнилухи»; лит. *kiautai* «Getreideschalen», пр. *keuto* «кожа»; лат. *šauris* «узкій»; р. *чубъ* или *чунъ*, *брюхо* и др.), то *j* въ нихъ могло бы быть объясняемо вліяніемъ родственныхъ формъ съ *jan* передъ гласными передняго ряда (если теперь мы вездѣ таковыхъ не находимъ, то это еще не значитъ, что и прежде ихъ не было). Но не исключена также возможность, что *eu* перешло въ *ai* (>праслав. *ou*>*u*) только передъ ударяемыми гласными задняго ряда, ср. прабалт. **tautā*: гот. *riuda* и лит. *laukas*: гр. *λευκός*. Если дѣйствительно передъ (всеми или же только ударяемыми) гласными задняго ряда изъ *eu* получилось балт. *ai* (слав. *u*), то это произошло вѣроятно раньше перехода *eu* въ *jan* и, можетъ быть, одновременно съ переходомъ *e* въ *a* (>прасл. *o*) передъ *ц*, за которымъ слѣдовалъ гласный задняго ряда. Въ процессѣ *eu*>*ai* я усматриваю (ассимиляционную) замѣну звука (Lautwechsel), тогда какъ переходъ *eu*

1) Съ *r* изъ *l'* путемъ диссимиляціи.

въ *jaui* является измѣненіемъ звука (Lautwandel). Иначе я не понималъ бы вліянія послѣдующаго гласнаго (если дѣйствительно такое имѣло мѣсто).

Что же касается времени возникновенія *jaui* изъ *ei*, то этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ. Еще на латышской почвѣ мы находимъ его въ словѣ *čaula*¹⁾ «шелуха» (при лит. *kēvalas*, ср. мою статью ВВ. XXIX, 193). А къ литовско-латышской эпохѣ относится возникновеніе *-jaui* изъ *-ēi* въ I л. ед. ч. прош. вр. основъ на *-ē*. Въ словахъ же вродѣ црксл. *людыѣ* и лат. *laidis* *jaui* могло возникнуть въ славяно-балтійскую эпоху. Это не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто, но представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ отнесеніе этого явленія къ общеславянской и общебалтійской эпохамъ: возникновеніе *jaui* изъ *ei* все-таки не столь обычное явленіе, чтобы безъ надобности отрицать связь славянского *ji* съ балтійскимъ *jaui*.

Какъ въ италійскихъ и кельтскихъ языкахъ изъ *ei* передъ гласными получается *oi*, такъ и въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ мы находимъ въ томъ же положеніи *ai* (>слав. *ov*) на мѣстѣ стараго *ei*, какъ наприм. вѣроятно²⁾ въ лит. *tāvas*, лат. *tavs*: гр. *τέος*; и црксл. *новъ*³⁾: гр. *νέος*. Но между тѣмъ какъ прежде было общепринято думать, что всякое иде. *ei* обращалось въ *ai* (>праслав. *ov*), теперь начинаютъ держаться мнѣнія, что въ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ) славянскихъ и балтійскихъ языкахъ этотъ переходъ имѣлъ мѣсто только передъ гласными задняго ряда. Въ пользу старой теоріи высказались, наприм., Mahlow Die langen Vocale AEO. 7 сл., Ульяновъ Основы наст. времени 55 сл.,

¹⁾ Рядомъ съ *čaula* мы находимъ ген. s. *caula* (отъ n. s. *cauls*) BW. 2172 вар. (въ текстѣ восточнолатышскаго Крейцбургскаго говора). Это *cauls* или восходить къ иде. **keulos* (лит. **kiaulas*), или же скорѣе тождественно съ лит. *kēvalas*: изъ **cēval(a)s* должно было получиться (съ восточнолатышскимъ переходомъ открытаго *ē* въ *a*) **caval(a)s* и отсюда (съ утратою *a* между *v* и *l*) *cauls*.

²⁾ Несомнѣнный примѣръ перехода *ei* въ *av* представляетъ лат. *nav(a)* «нѣтъ» изъ *ne-va(id)*; ср. *ne tai vaid(i) vilka bail, nei...* (Magazin der lett.-liter. Ges. VIII, стр. 16, № 196) «она не боится ни волка, ни...».

³⁾ Относительно *Nevo-* въ нѣкоторыхъ чешскихъ собственныхъ именахъ ср. Zubatý AfsiPh. XVI, 405.

Leskien Bildung d. Nomina 242 и Gramm. d. altb. Spr. 5, Mikkola JF. XVI, 95 (между тѣмъ какъ прежде AfslPh. XX, 149, онъ полагалъ, что *ei* сохраняется передъ гласными передняго ряда), Brugmann KVG. 214, Wiedemann BV. XXVII, 217 и XXIX, 312 и Vondrák Vergl. slav. Gr. I, 84. Сохраненіе же *ei* передъ гласными передняго ряда предполагали Беценбергеръ BV. IX, 261, Фортунатовъ (у Шахматова Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. I, 708), Meillet Recherches sur l'emploi du gén.-accus. 86 сл. (впоследствии же, MSL. XIV, 354, онъ въ этомъ меньше увѣренъ), Zubatý AfslPh. XX, 396 сл. (нѣсколько сомнѣваясь), Ильинскій I. с. XXVIII, 456 сл., Коршъ Сборн. статей, посвящ. Ф. Θ. Фортунатову 313, Trautmann Altpr. Spr. 146 сл. и Поржезинскій Возвратн. форма глг. 91; между тѣмъ какъ Бернекеръ JF. X, 164 сл. склоненъ думать, что только въ латышскомъ языкѣ *ei* сохраняется. Впервые же, но слишкомъ неопредѣленно, указалъ на сохраненіе *ei* Prusik KZ. XXXIII, 160 сл. Что въ латышскомъ языкѣ *ei* сохраняется передъ *e* и *i*, это не подлежитъ сомнѣнію. Бернекеръ I. с. уже привелъ слѣдующіе примѣры: *dreve* «борть» (при однозначномъ *drava*:гот. *triu* «дерево»); *kreve* (или *krevelis*) «струпь» (:гр. *κρέας*); а. с. *tevi* «тебя», i. s. *tevim*, d. s. *tev*, gen. s. *tevis* (при *tavs* «твой») и а. с. *sevi* «себя», i. s. *sevim*, d. s. *sev*, gen. s. *sevis* (при *savs* «свой»). Къ нимъ можно прибавить: *plevināt* «шелыхать» BW. 10204, 3 и 24889, 2 вар.: гр. *πλέω* (ср. однозначные варианты *plēvināt* и *plivināt*¹⁾), которые Ульманъ переводить:

¹⁾ Корневое *i* въ новообразованіи *plivināt* (вмѣсто *plevināt*), какъ и въ *vizināt* «прокатывать» (:лит. *vežti* «везу»), *ticināt* «заставлять бѣжать» BW. 10287, 2 (: *teku*), *dribināt* (при *drebināt*) «заставлять трястись», *stribināt* BW. 19324, 23276, 26407 (при *strebināt*) «давать хлебать», *smidzināt* «колотить» BW. 10857, 5 (:лит. *smagoti*), *plidināt* BW. 24889, 3 вар. (при *pledināt* 24889, 2) «взмахивать крыльями» (съ нимъ вѣроятно тождественно *plidināt* «sich baden», уоп Gansen und Enten, у Ульмана, которое Беценбергеръ BV. XXVII, 175 сближаетъ съ гр. *πλάω* «влага»; я же сопоставляю это слово съ древневрх. *fledarōn* «flattern» и др. у Фика Vrgl. Wrtb. III⁴, 251), возникло подъ вліяніемъ глаголовъ на *-(d)ināt* съ корневымъ *i* (чередующимся съ *e*) передъ *r*, *l*, *m*, *n* вродѣ *pirināt* BW. 25789 вар. и 19543, 5 (при *perināt* и *perēt*) «высисживать», *cilināt* (при *celt*) «часто поднимать», *pildināt* (при *peldināt*) BW. 21988, 17 «купать», *dzirdināt* «поить» (при *džert* «пить») и др.

«auf dem Wasser schwimmend bewegen; hin und her treiben; flattern»); *revét* (при однозначномъ *ravét*) BW. 5855 var., Zbiór wiadomości XVI, 147 и у Ульмана «полоть»; *deviñi* «девять» и *devitais* «девятый». Бернекеръ I. с. ссылается также на *devu* «я даль» и *šk'ėvas* «чихъ», но эти слова не доказываютъ сохраненія иде. ец передъ *i*, *e*. Въ *šk'ėvas* мы находимъ во второмъ слогѣ гласный задняго ряда. Если въ этомъ словѣ дѣйствительно старое *e*, то сохраненіе его вѣроятно (какъ и въ лит. *kėvalas*, если тутъ *-eva-* не восходитъ къ болѣе древнему *-eve-*) объясняется вліяніемъ предшествующаго смягченнаго согласнаго, ср. Zupitza KZ. XL, 251. Но рядомъ съ *šk'ėvas* извѣстна также форма *šk'avas* (наприм. Etnograf. ziņas par latw. II, 111), и не исключена возможность, что въ *šk'ėvas* мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ сравнительно поздняго перехода *a* въ *e*, о которыхъ ср. мои Латышскіе предл. I, 54; что же до *šk'avas*, то его *šk'-* еще не доказываетъ происхожденія *-av-* изъ иде. ец, такъ какъ это *šk'-* можетъ восходить тутъ также къ иде. *skj-* или *stj-* (ср. выше стр. 43) или же быть вызвано (вмѣсто стараго *sk-*) вліяніемъ глагола *šk'au(di)t*. Отношеніе же лат. (діал.) *deve* и лит. (діал.) *dėvė* «dedit» (ср. KZ. XLIII, 19) къ лит. *dāvė* объясняется такъ, что первоначально рядомъ съ основою изъявительнаго наклоненія *davē-* (съ *a* изъ иде. *o*, ср. гр. арк. part. aor. ἀπυδός и кипр. inf. aor. δοῦσαι, и лит. III л. прош. вр. *šlāvė* отъ *šlioti* «мести») употреблялось причастіе прош. вр. **devens*¹⁾ съ *dev-* изъ *de[d]v-*, ср. скр. *dadvas-* (съ долгимъ *a*) «дав-

¹⁾ Пр. же *dāuns*, црксл. *давъ*, гр. бэот. δαῦνός и скр. *dadāvas-* по отношенію къ вокализму представляютъ собою новообразованія подъ вліяніемъ корневыхъ формъ съ гласнымъ (иде.) *ō*. Такого же рода новообразованіями я считаю пр. *boūns* (съ *oū* изъ *ū*), црксл. *бывъ* и скр. *babhūvas-* рядомъ съ фонетически правильнымъ литовскимъ *būves*. Какъ старое *deves* въ большинствѣ литовскихъ говоровъ было подъ вліяніемъ изъяв. наклоненія вытѣснено новообразованіемъ *dāves*, такая же участь постигла лат. причастіе **būvis*. Въ латышскихъ текстахъ XVI вѣка еще извѣстно, кажется, только причастіе *būvis* (съ *ū* вмѣсто *u* изъ формъ съ *bū-* или же путемъ фонетическаго развитія, о которомъ и о правописаніи *ue* или *ū*=*ū* ср. KZ. XLIII, 40 сл.; примѣры даются въ изданіи Undeutsche Psalmen на стр. 73 и въ изданіи катехизиса 1586 г. на стр. XIII; такое же *buevis*=*būvis* употребляется и въ евангеліи 1587 г.) рядомъ съ основою изъяв. наклоненія *bijā-* (>*bijā-*, ср. KZ. XLIII, 38 сл.; имѣли ли

шій», и относительно утраты *d* передъ *v* Leskien Bild. d. Nom. 347. Что когда-то въ латышскомъ языкѣ существовала глагольная основа *davē-*, въ пользу этого говоритъ произведенное вѣроятно отъ этого *davē- dāvāt* «предлагать, дарить». А такъ какъ вокализмъ изъявительнаго наклоненія обыкновенно совпадалъ съ вокализмомъ соотвѣтствующаго причастія, то въ латышскомъ языкѣ и въ части литовскихъ говоровъ былъ обобщенъ вокализмъ причастія, въ большинствѣ же литовскихъ говоровъ—вокализмъ изъявительнаго наклоненія, какъ уже указано Явнисомъ (Описание Россійскаго у. 54). Предположеніе Малова Die langen Vocale AEO. 83 и Видемана ВВ. XXIX, 312, что въ *devis* «давши» (какъ и въ *tevi* «тебя» и *svek'i* «смола») *e* получилось изъ *a* благодаря вліянію гласнаго *i* послѣдующаго слога, совершенно невозможно: переходъ *a* въ *e* передъ *vi* (при сохраненіи *a* передъ сочетаніями другихъ согласныхъ съ *i*) и самъ по себѣ въ высшей степени невѣроятенъ, и рѣшительно опровергается формами *gavilet* «ликовать» и *avins* «баранъ» ВВ. 11587 и 7202 (сохраненіе же *a* передъ *k'i* мы видимъ въ *zak'is* «заяць», *kak'is* «кошка» и *krak'is* «станокъ»).

эти тексты *i* или *ī*, изъ ихъ графики не видно), которая вѣроятно представляетъ собою видоизмѣненіе старой нетематической основы (прабалт.) **bī-*, въ пользу чего говоритъ лит. *bīt* Mitt. d. lit. litter. Ges. IV, 170 сл. или *bit(i)* «erat» (у Видемана Lit. Präter. 137; ср. тамъ же 141 о количествѣ корневого *i*), прскл. *би* и др. (у Бругмана KVG. 502 сл.; ср. также Johansson JF. III, 225 сл. и Bartholomae Studien z. indog. Sprachgesch. II, 190 сл.); съ прабалт. **bī* (а не съ прскл. *бѣ*), можетъ быть тождественно также пр. *bēi* (*bei* и *be*), если его *ē(i)* восходить къ *ī*. А затѣмъ въ большинствѣ говоровъ старое **buvis* (>*būvis*) подъ вліяніемъ изъяв. наклоненія вытѣсняется новообразованиемъ *bijis*, между тѣмъ какъ въ части говоровъ западной Курляндіи (по указанію Биленштейна Lett. Spr. II, 258 въ Сакенгаузенѣ и по моимъ наблюденіямъ, наприм., въ Дубеналькентѣ, Таргельнѣ, Зуретѣ, Шлектѣ, Сарнатентѣ и Попентѣ) путемъ контаминаціи *bijā-* и **buvis*, какъ указалъ уже Osthoff Zur Gesch. d. Perf. 433, возникли новообразования *bujā-* и *bujis* (по сообщенію латышской грамматики Стерете 54 *biju* «я былъ» встрѣчается также въ восточнолатышскихъ говорахъ около Маріенбурга). Подъ вліяніемъ же причастія вѣроятно возникло лит. *buvai* и восточнолат. *buci* «я былъ» въ Dispositio Imperfecti (Königsberger Studien I. 207; изъ этого же памятника, можетъ быть, взято и восточнолат. *buvu* у Биленштейна I. с.: мнѣ самому извѣстны изъ современнаго восточнолатышскаго нарѣчія только формы, восходящія къ *bijā-* и *bijis*).

Въ виду сохраненія *eu* передъ *e*, *i* въ латышскомъ языкѣ уже а priori вѣроятно, что также въ литовскомъ языкѣ сохраняется *eu* въ этомъ положеніи, и это подтверждается слѣдующими примѣрами: *drevē* «душло; бортъ» и *drevėti* «дуплѣть; вынимать (часть меду)» у Юшкевича и Лескина Bild. d. Nom. 236; *devyni* «девять» и *deviñtas* «девятый»; gen. s. *tēvęs* «тебя», a. s. *tēvi*, l. s. *tevē* и gen. s. *sēvęs* «себя», a. s. *sēvi*, l. s. *sevē* (въ Мемельскомъ нарѣчьи, у Куршата Grmm. § 854a и Беценбергера Lett. Dial.-Stud. 90); *keven-tis* «sich herum balgen» и *kēvetas* «скорлупа» (въ Водактахъ Вилкомирск. у.), *kēvelas* у Буги Aist. Stud. I, 69 или *kēvalas* (если оно восходитъ къ **kevelas*¹⁾); въ противномъ же случаѣ сохраненіе *eu* объясняется, вѣроятно, вліяніемъ предшествующаго смягченнаго *k*, ср. выше лат. *škēvas*: послѣ смягченнаго согласнаго въ литовскомъ языкѣ *a* совпадаетъ съ *e*!); отъ того же глагольнаго корня вѣроятно произведено и *kevekštys* «Hurenkind» (ср. въ семасіологическомъ отношеніи н. *Balg* «шкура; распутная женщина»). Спѣшу оговориться, что доказательная сила этихъ литовскихъ формъ съ *eu* нѣсколько уступаетъ по значенію вышеупомянутымъ латышскимъ примѣрамъ. Мѣстоименныя формы съ *eu*, извѣстныя мнѣ пока только изъ сѣвернолитовскихъ говоровъ, можетъ быть, возникли подъ вліяніемъ латышскаго языка, ср. впрочемъ Bezzenberger I. с. Формы же *drevē* и *drevėti*, которыя, можетъ быть, тоже извѣстны только на сѣверѣ литовской территоріи (откуда ихъ взялъ Юшкевичъ, этого мы впрочемъ не знаемъ), я не рѣшился бы считать заимствованіями, такъ какъ *drevē* въ своемъ значеніи нѣсколько расходится съ лат. *dreve*, глаголѣ же **drevēt* намъ вовсе не извѣстенъ въ латышскомъ языкѣ. Что же до *devyni*, *deviñtas* (лат. *deviñi*, *devitais*, пр. *nēvīnts* и црксл. *девятъ*, *девятъ*), то ихъ *e* и начальное *d-* (вмѣсто *n-*) объясняли и объясняютъ вліяніемъ числительнаго 10. Но послѣ правдоподобной замѣтки Schulze KZ. XLII, 27, что *d-* тутъ получилось изъ *n-* путемъ диссимиляціи передъ *n* въ слѣдующемъ слогѣ (у него же и другіе примѣры такой диссимиляціи), сохране-

¹⁾ К. К. Буга сообщаетъ мнѣ еще III л. прош. вр. *kīevēno* (= *kevēno*) «лучила» изъ книги Pamokslaj izsminties ir tejsibes, стр. 133 (эта книга вышла въ 1851 г.).

ніе *e* трудно уже объяснять вліяніемъ слѣдующаго за нимъ числительнаго: если бы дѣйствительно въ числительномъ 9 *e* черезъ *v* перешло въ *a(o)*, то это числительное уже мало походило бы на числительное 10, такъ что послѣднее врядъ ли смогло бы оказать вліяніе на первое.—Формы, наконецъ, съ *kev-* имѣли бы тутъ доказательную силу лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было установить, что предшествующее *k* или *g* (не будучи еще смягченнымъ) не мѣшало переходу *e* въ *a*. А это (т. е. независимость перехода *e* въ *a* отъ предшествующаго *k* или *g*) могло бы считаться доказаннымъ, если бы дѣйствительно, какъ принято думать, лит. *vākars* (лат. *vakars*) восходило къ **dekeros* = црксл. *вечеръ*. Этотъ вопросъ объ ассимиляціонномъ переходѣ *e* (не передъ *v*) въ *a* въ балтійскихъ языкахъ намъ тутъ и приходится разсмотрѣть.

По мнѣнію I. Шмидта KZ. XXXII, 343 и Neutra 197, съ которымъ соглашаются Brugmann Grdr. I², 838 и Wiedemann Handb. 29, въ балтійскихъ языкахъ неударяемое (суффиксальное) *e* передъ *ra*, *la*, *na*, *rā*, *lā*, *nā* (съ прабалт. *a* и *ā*) путемъ ассимиляціи переходить въ *a*. Есть дѣйствительно данныя, говоряція въ пользу этого. Такъ, въ Вольмарскомъ говорѣ латышскаго языка рядомъ съ *vēdars* «брюхо» употребляются уменьшительное *vēderīc* (g. s. *-īna*; **vēdarīc* неизвѣстно) и *parvēdere* «подбрюшина», рядомъ съ *ežars* «озеро» — уменьшительное *ežerīc*, рядомъ съ *vēsals* «здоровый» — *veselība* «здоровье» и *veselīgs* «здоровый», и не только въ Вольмарскомъ, но и во многихъ другихъ говорахъ, вовсе не знающихъ перехода *a* въ *e* передъ гласными передняго ряда. Первоначально это чередованіе *a* и *e* въ приведенныхъ формахъ могло быть свойственно всѣмъ говорамъ: *vēders* и *vēsels* (въ словарѣ Ульмана) могли возникнуть подъ вліяніемъ формъ съ *e* передъ гласными передняго ряда. Далѣе ср. лат. *smaganas* при *smadzenes* «мозгъ», *kurana* при *kupene* (напр. въ Вольмарѣ) или *kupenis* «сугробъ», *katana* (наприм. въ Вольмарѣ) при *katene* «кошка (самка)», *birtala* при *birztele* «березнякъ», *spindala* при *spindele* «eine kleine Bremse», *beždals* «бздехъ» (напр. въ *beždalu maiss* «Stänkerer») при *beždelis* «бздунъ», *dējala* (наприм. въ Вольмарѣ) при *dējele* «дуплистое дерево съ ульемъ», *vasara*, лит. *vasarà* «лѣто»

при лит. *pavāseris* «весна» у Буги Aist. Stud. I, 69 и Лескина Bild. d. Nom. 447, лит. *stāgaras* при *stegerijs* «ein dürrer Krautstengel» (ср. прксл. *стежеръ* «cardo»), *vaivaras*¹⁾ при *vaiveris* «хорекъ (самецъ)», *vākaras*¹⁾, лат. *vakars* при прксл. *вечеръ*, лит. *vābalas*¹⁾ «жукъ» при древневрхн. *wibil* «Art Käfer», лит. *ālkanas*¹⁾ «голодный» при *alkenijbē* «голодь», лит. *pāstaras* (ср. KZ. XLIV, 50¹⁾), лат. *pastars* «последній» при латинск. *posterus* (ср. Brugmann Grdr. II², 1, 323), лит. *stēbaras* «ein dürrer, vertrockneter, dicker, langer Pflanzenstengel» у Буги l. c. 73 при лат. *stebere* «Ziemer, Kuhschwanz; Binse», лит. *kepanos* при *kēpens* (n. pl.) «печень» у Лескина Bild. d. Nom. 381, лат. *lāidars*, лит. *lāidaras* «скотный дворъ» при лат. *laidaris* BW. 28902 var., лит. *laideris* (ср. Leskien l. c. 446). Наконецъ, не лишено тутъ нѣкотораго значенія и то обстоятельство, что рядомъ съ весьма употребительными суффиксами (балт.) *-anā* (у Лескина l. c. 387 сл.): *-enē*, *-enis* (у Биленштейна Lett. Spr. § 215) и *-alas* (у Лескина l. c. 472 сл.), *-alā* l. c. 476 слл.: *-elis*, *-elē* l. c. 479 слл., суффиксы *-anē* l. c. 388 и *-alē*, *-alis* l. c. 476 сл. встрѣчаются сравнительно рѣдко (ср. также *-aras* l. c. 445 слл. при *-eris*, *-erē* l. c. 444 сл.). Изъ прусскаго языка можно было бы привести *assaran* «озеро», *glosano* «мѣдьяница» (вѣроятно = *glodano*: лит. *gluodenā*), *pelanno* «очагъ»: лит. *pelēnē*, и *penpalo*²⁾ «перепелъ», но слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ прусскихъ текстахъ *a* нерѣдко является вмѣсто *e* также въ другихъ положеніяхъ, указывая на весьма открытое произношеніе прусскаго *e*, ср. Trautmann Altpr. Spr. 105. Но, во всякомъ случаѣ, извѣстныя намъ данныя прусскаго языка не мѣшаютъ намъ считать этотъ переходъ *e* въ *a* прабалтійскимъ, въ пользу чего говорить и лат. *vakars*, такъ какъ потомъ на латышской почвѣ *k* передъ *e*, *i* обращается въ *s*. Есть, правда, въ немъ исключенія вродѣ *musgeno* (какъ правдоподобно читаютъ вмѣсто *mulgeno*)

¹⁾ Приводится уже I. Шмидтомъ.

²⁾ Читать *perpalo* вмѣсто *penpalo* (ср. Trautmann Altpr. Spr. 393) нѣтъ надобности, ср. лат. *skangals* изъ *skalgalis* «лучина»; а *r* въ нѣмецкомъ провинціализмѣ *perpelitze* (въ восточной Пруссіи) могло возникнуть подъ славянскимъ вліяніемъ, на которое указываетъ и суффиксъ этого слова (*-ица*).

«мозгъ» или *weders* «брюхо», но имѣются также наприм. лат. *vēders* (при *vēdars*) и лит. *vēderas* Лит. хрест. 377, 40 и 378, 42 (при *vēdaras*) и др. (у Лескина I. с. 382 сл. и 443 сл.). I. Шмидтъ I. с. и Видеманъ I. с. пытаются устранить эти исключенія предположеніемъ, что *e* сохранялось послѣ *e* и *ē* въ предшествующемъ слогѣ. Противорѣчающія этому лит. *vākaras*, *vābalas* и *vasarà* I. Шмидтъ устраняетъ гипотезою, что законъ о переходѣ *ve-* передъ *a* въ *va-* и законъ о переходѣ *-e-* передъ *ra*, *la*, *na*, *rā*, *lā*, *nā* въ *-a-* дѣйствовали одновременно. Какъ это было бы возможно, я по крайней мѣрѣ не могу себѣ представить. И рѣшительно опровергается эта гипотеза словами лат. *vesals* (что это слово заимствовано изъ славянскихъ языковъ, въ виду его значенія по крайней мѣрѣ сомнительно), лит. *vėlenas* «валъ въ машинахъ молотильныхъ и др.» у Буги Aist. Stud. I, 66 и *vėselas* «особое приспособленіе на жердяхъ для сушки дровъ около печки» въ Новоалександр. уѣздѣ. Предположеніе же о сохраняющемъ вліяніи *e* и *ē* на послѣдующее *e*, съ одной стороны, не объясняетъ намъ исключеній вродѣ лит. *gluodenà*, *riėtenos* «eine Schlingpflanze», лат. *gaudēns* «изувѣченный», *gurdēns* (при *guīdāns*) «усталый», *irdēns* (при *īrdāns*) «рыхлый», *līdžēns* (при *līgāns*) «ровный» и др., а съ другой стороны опровергается формами вродѣ лит. *vėdaras*, *kepanos*, *kėvalas*, *stėbaras*, лат. *vēdars*, *vėsals*, *ēzars*, *bezdals*, *dējala* и вѣроятно и словами *vasarà*, *vākaras*, *vābalas* и лат. *vasara*, *vakars*. Мнѣніе Бругмана JF. XIII, 158, что наприм. лит. *vākaras* получилось изъ **vakeras* изъ **vekeras*, совершенно невозможно (раньше, Grdr. I², 838, онъ держался болѣе правильнаго взгляда на это). Какъ указалъ I. Шмидтъ Neutra 196 сл. (ср. также de Saussure Mémoire 68), *ve* въ балтійскихъ языкахъ только передъ *a* и *ā* переходитъ въ *va*¹⁾. Это намъ показываютъ,

¹⁾ Что до *vėblas* «wer undeutlich spricht» у Буги I. с. 70, то его *e* легко можетъ быть объяснено вліяніемъ однозначащаго *vėblỹs* и соответствующаго глагола *vėblėnti*. А при *vālas* (pl. *valai*) «ein Pferdeschweifhaar» имѣется однозначашее *vėlas* у Буги I. с., *e* котораго, можетъ быть, объясняется вліяніемъ родственныхъ формъ не съ *a* за *el*, ср. напр. *valinis* «von Pferdehaaar». Но не исключена возможность, что переходъ *ve-* въ *va-* имѣлъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если за нимъ слѣдовало (не одинъ только, но) два слога съ *a*. Приводятся, правда, лит. *vaĩdas* «нямя» (: латинск. *verbum*) I. Шмидтомъ I. с. и *sāpnas* «снови-

наприм., слова лит. *vėtušas*, лат. *vęcs*, лит. *vedegà*, пр. *wedigo* «особый родъ топора» и друг. Указанныя исключенія вродѣ прабалт. **vėderas* могли бы объясняться вліяніемъ родственныхъ формъ съ гласными передняго ряда въ конечномъ слогѣ, ср. вышеупомянутыя лат. *vēderic* и *pavēdere*. Но, можетъ быть, судьба *e* зависѣла также отъ темпа рѣчи и отъ положенія *e* за или же передъ ударяемымъ слогомъ; provato же это быть не можетъ вслѣдствіе различныхъ измѣненій въ положеніи ударенія и возможности обобщенія гласнаго *a* или же *e*. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду еще и то, что, подобно тому какъ ассимиляція согласныхъ (вродѣ франц. *chercher* и др., ср. Brugmann Grdr. I², 847 слл.) далеко не всегда проявляется въ видѣ звукового закона (ср. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XV, 2, 214 сл.), такъ и ассимиляція гласныхъ (примѣры у Бругмана I. с. 835 слл.) не вездѣ, кажется, производится закономерно. Для окончательнаго же рѣшенія вопроса о томъ, насколько ассимиляція несмежныхъ и иногда и смежныхъ звуковъ

дѣи́е» (: древнеисл. *svēfn* «сонъ») Видеманомъ Handb. 9 сл., но доказательная сила ихъ слишкомъ ничтожна. Уже Solmsen Stud. z. lat. Lautgesch. 25, ссылаясь на лит. *vėrgas* «рабъ», высказалъ предположеніе, что переходъ *ve-* въ *va-* имѣлъ мѣсто только въ открытыхъ слогахъ, объясняя при этомъ *a* въ *vaĩdas* (въ виду пр. *wīrds* и гот. *vaird*) столь обычнымъ чередованіемъ гласныхъ. Что это вполне возможно, едва ли подлежитъ сомнѣнію; лит. *vaĩdas* можетъ относиться къ латинск. *verbum* и пр. *wīrds* совершенно такъ же, какъ напр. црксл. *злато* къ лат. *zēlts* и гот. *gulþ*. Гиртъ, правда, JF. X, 50¹ самоуверенно заявляетъ по этому поводу, что «der Widerspruch Solmsens ist hinfällig», объясняя сохраненіе *e* въ *vėrgas* его нисходящею интонаціею. Но этимъ, разумѣется, несколько не доказано, что первое *a* въ *vaĩdas* восходитъ къ *e*. Это, вѣдь, единственный (и притомъ не убѣдительный) примѣръ перехода *ve-* въ *va-* въ такомъ положеніи! И сохранено *ve* въ *šveĩtas* «святой», *skveĩnas* «лоскутъ», *šveĩndrai* «eine Art Schilf» и *švelnas* «мяткій» у Даукши Post. 26, 1 и 2 (ср. корневою циркумфлексъ въ однозначащемъ *švelnūs* въ словарь Куршата). — А что до *šĩpnas*, то я не рѣшился бы только изъ-за *e* въ соответствующемъ ему германскомъ словѣ возводить его первое *a* къ *e*, тѣмъ менѣе, что тутъ болѣе нѣтъ никакого *v* между *s-* и *a*. Когда-то, конечно, тамъ имѣлось *v*, но такъ какъ въ балтійскихъ (и славянскихъ) языкахъ *v* обыкновенно сохраняется въ этомъ положеніи, отдѣльныя же и столь же неясныя формы безъ ожидаемаго *v* извѣстны также въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, то по моему вѣрнѣе относить утрату *v* въ такихъ случаяхъ къ эпохѣ иде. праязыка. Кромѣ того, *ve* встрѣчается въ лит. *skvėtas* «заплата» у Буги I. с. 70 и лат. *svėki* «смола» (при *svakas*, ср. Wiedemann BV. XXIX, 311 слл. и выше стр. 87).

присущъ характеръ звукового закона, необходимы многолѣтнія наблюденія надъ живыми говорами различныхъ языковъ.—Прабалтійскимъ вѣроятно можно считать ассимиляціонный переходъ суффиксальнаго *e* въ *a* только передъ *n*, *r*, *l*, такъ какъ передъ другими звуками аналогичное явленіе наблюдается рѣже и почти только въ латышскомъ языкѣ. Въ немъ вмѣсто суффиксовъ *-ekls*, *-ekla* мы встрѣчаемъ также *-akls*, *-akla*: (*kuĭmja*) *bēdaklis* (g. s. *-la*) «вырытая кротомъ земля» (у Ульмана также *bedeklis*, гдѣ качество *e* не обозначено), *pinaklis* (g. s. *-la*) «пути» (при *pinēkls* у Ульмана), *aūdaklis* (g. s. *-la*) «полотно» (при *aūdekls* у Ульмана), *vedakla* «невѣстка» (при *vedekle* у Ульмана и *vedēkla*), наприм., въ Вольмарскомъ говорѣ; *smērdakli* «калъ» и *bēzdakli* «Afterwinde» (при *bezdekli* у Ульмана) въ Линденѣ Mag. d. lett.-liter. Ges. XIV, 1, 156; *vemakli* «блевотина» I. c. XIV, 2, 209. Что *a* изъ *e* передъ *k* меньше распространено, чѣмъ *a* изъ *e* передъ *r*, *l*, *n*, показываетъ намъ, наприм., *aūdekls* (g. s. *-la*) рядомъ съ *ežars* и *vēdars* въ Нейенбургскомъ говорѣ. Далѣе ср. (рядомъ съ лат. *līdeka* напр. въ Кабилленѣ или *līdēks* у Ульмана и лит. *lydekà*) лат. *lidaka* ¹⁾ и лит. *lydāk'* «щука» у Беценбергера GGA. 1885 г., стр. 915, и пр. *melato*, лит. *małatà* (у Юшкевича подъ *genj's*) рядомъ съ лит. *meletà* «зеленый дятель» (но тутъ можно думать также о старомъ *a* изъ иде. *o*, ср. славянскій суффиксъ *-ota*).—Передъ *va* и *vā* суффиксальное (какъ и корневое) *e* вѣроятно правильно переходило въ *a*; въ пользу этого можно указать на латышскій суффиксъ *-tava*, *-tavs* (лит. *-tavas*, ср. Leskien Bild. d. Nom. 566 сл.) рядомъ съ *-teve*, наприм. въ *malteve* (при *maltava* и *maltuva* у Ульмана и *maltuve* BW. 29) «Mahlkammer», *kāstevē* BB. XVII, 282 (при *kāstava*) «цѣдилка», (инфлянтск.) *slaukt'ev'a* Zbiór wiadomości XVI, 203 ²⁾ «дойникъ», ср. греч. отглагольные прилагательные на *-τιος* у Бругмана Grdr. II², 1, 448 (это *-teve* при *-tava* говорить не въ

¹⁾ Благодаря чередованію формы *lidaka* съ уменьшительнымъ *līdeciņa* (наприм., BW. 30807, 3) вѣроятно возникло рядомъ съ заимствованнымъ *pātaga* «плеть» (<р. *батога*) уменьшительное *pātedziņa* BW. 21771, 1, 3 и отсюда далѣе *pātega* BW. 3048, 1.

²⁾ Этотъ говоръ не знаетъ перехода *a* въ *e* передъ гласными передняго ряда!

пользу Мюленбаха, по которому JF. XVII, 430 *-tava* возникло путем смѣшенія *-tuva* и *-ava*, Лескина I. с. 244 и Бругмана Grdr. I², 838, по мнѣнію которыхъ *-tava* путемъ ассимиляціи получилось изъ *-tuva*, I. Шмидта Neutra 67, Видемана Handb. 31 и Прель-витца BB. XXIV, 103¹, полагающихъ, что неударяемое суффиксальное *-ev-* въ балтійскихъ языкахъ обращалось въ *-uv-*. Суффиксальное *-ev-* мы находимъ также въ лат. инфлянтск. *vard'ev'a* «жаба» Zbiór wiadomości XV, 222 съ *-ev'a* изъ *-eve* ¹⁾. Балт. *-tevē*, *-tavā* относится къ *-tuwē*, *-tuwā* и *-twē*, *-twā* такъ же относительно вокализма, какъ греч. *-τέος*, скр. *-tavyas* къ скр. *-t(u)vas*, ср. Brugmann Grdr. II², 1, 448).

Возвращаясь послѣ этого досаднаго, но неизбежнаго отступленія къ лит. *vākaras* и *kėvalas*, я нахожу, что тожество *vākaras* съ црксл. *вечеръ* дѣйствительно возможно и даже вѣроятно. А если въ *vākaras* *-ka-* могло получиться изъ *-ke-*, то и въ литовскихъ формахъ съ *kev-* *k-* не мѣшало переходу *-ev-* въ *-av-*, тѣмъ менѣе, что славяно-балтійскій переходъ *-ev-* въ *-av-* древнѣе балтійскаго перехода *-era-* въ *-ara-* и, значитъ, относится къ эпохѣ, когда *k* передъ *e* было еще менѣе смягчено. Итакъ, есть и въ литовскомъ языкѣ формы, доказывающія сохраненіе *ev* передъ гласными передняго ряда. Въ формахъ же gen. s. *tavęs* «тебя», *savęs* «себя», acc. s. *tavę*, *savę*, i. s. *tavimì*, *savimì* и l. s. *tavyjė*, *savyjė* а вмѣсто *e* объясняется вліяніемъ формъ *tāvas* «твой», *sāvas* «свой» и dat. s. *táv* «тебѣ», *sáv* «себѣ» = лат. діал. *tau*, *sau*, ср. Bezzenberger Lettische Dial.-Stud. 90, Zubatý LF. XIII, 369 слл. и Meillet Recherches 86 сл. Передъ гласными же задняго ряда мы находимъ *ev* въ *klėvas* «кленъ» и *pūsevaitė* «среда» (удареніе по Бургъ Aist. Stud. I, 72). Но вмѣсто *klėvas* правильнѣе пишутъ *kliāvas* (=лат. *kl'avs*, наприм. BW. 23932 вар. и 26027, рядомъ съ *kl'ava*) съ *av* изъ *ev*, ср. Berneker JF. X, 165. *Pūsevaitė* же считается заимствованнымъ изъ прусскаго языка (<пр. *possisawaite* = **pusisawaite*), ср. Trautmann Altpr. Spr. XI и 406. А въ этомъ прусскомъ словѣ первое *s*, должно быть, было смягчено, ср. Berneker Preuss. Spr. 164. За-

¹⁾ Ср. относительно суффикса пр. *gabawo* «жаба», лат. *ciēlava* «трясогызка» и др.

тѣмъ на литовской почвѣ могла произойти утрата *i* между двумя *s*, какъ въ латинск. *semodius* изъ *semimodius* и др. (ср. Brugmann Grdr. I², 857 слл.), и изъ *śs* путемъ ассимиляціи и упрощенія могло получиться *ś*, такъ что вмѣсто *pūsevaitē* вѣроятно правильнѣе было бы писать *pūsiavaitē*.

Есть и въ прусскомъ языкѣ примѣры сохраненія *ev* передъ гласными передняго ряда: *newīnts* «девятый»; *brewinnimai* «wir fördern» и *brewingi* «förderlich» (достоверно этимологія этого слова не можетъ быть установлена, такъ какъ мы не знаемъ настоящаго его значенія и происхожденія его начальнаго *b-*, которое тутъ можетъ восходить и къ иде. *b(h)* и къ иде. *m*, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что это не старое слово: можно думать, наприм., о родствѣ съ гр. *βρύειν* «изобиловать жизненными соками», о которомъ ср. словарь Boisacq'a 136, или по Беценбергеру ВВ. XXIII, 300 съ лит. *bridautis* «лѣзть насильно», о которомъ ср. далѣе словарь Бернекера подъ *bruja* и *būchz*. Безспорно только то, что это слово не имѣетъ ничего общаго съ лат. *brīvus* «свободный», съ которымъ его, и самъ сомнѣваясь, сближаетъ Бернекеръ Preuss. Spr. 135: лат. *brīvus* произведено отъ существительнаго *brīve* BW. 32062 или **brīva* «свобода», ср. обороты *atlaist brīvā* «отпустить», *par brīvi* «даромъ» и др. въ словарѣ Ульмана; а это *brīve* или **brīva* — заимствованіе, восходящее къ нѣм. (*Frei*)*brief* «вольная». Значеніе «свобода» могло возникнуть въ оборотахъ вродѣ *dabūt brīvi* «получить вольную > свободу»; *gewinna* (2×) «работаютъ» и *gewineis* «работникъ» по Беценбергеру ¹⁾ ВВ. XXIII, 299: старолит. *gewenti* «жить» у Беценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 57 и 284, ср. лат. *dzīvāt* или *dzievāt* «жить, работать» (сопоставленіе это однако возможно лишь въ томъ случаѣ, если, къ чему фонетическихъ препятствій нѣтъ, пр. и лит. *gew-* въ этомъ словѣ восходить къ прабалтійскому *gīev-*, которое относится къ лат. *dziev-* изъ *geiv-* приблизительно такъ же, какъ скр. I. s. *dyāvi* къ *dēvā-s*, или латинск. *hiems* къ гр. *χείμα* и др.). Примѣрами могутъ служить

¹⁾ Беценбергеръ, однако, на мой взглядъ тутъ неправильно отождествляетъ пр. *e* съ литовско-латышскимъ *ie*, ср. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XII, 1, 58 слл.

также довольно многочисленны формы съ *-ewing-* (произведенныя посредствомъ *-ing-* отъ основъ съ суффиксомъ *-eцо-*, ср. Brugmann Grdr. II², 1, 204 сл.) вродѣ *enimmewingi* «angenehm» и др. (въ грамматикѣ Траутмана 147, гдѣ однако не всѣ) и слова (съ тѣмъ же *-eцо-*) *mukinewis* «lehrhaftig», а. s. *switewiskan* «свѣтскій» (полагать, какъ это дѣлаетъ Траутманъ I. с., что *e* тутъ получило изъ неударяемаго *a* передъ *i*, и сомнительно, ср. AfslPh. XXXII, 285, и излишне: формы съ *-awi-* вродѣ *smonenawins* «человѣкъ», а. s. *drüektawingiskan* «строгий», а. s. *stürnawiskan* «Ernst» и др. могутъ быть произведены отъ основъ на *-awa-* изъ иде. *-eцо-*). Сюда же относилась бы форма а. s. *nādewisin* «Seufzen» отъ основы *dheцѣs-*; но это слово встрѣчается всего одинъ разъ, такъ что не знаемъ, правильно ли оно намъ передано.—Что же до *seweynis* «свинарня», то Burda KSB. VI, 399, которому слѣдуетъ Бернекеръ Pr. Spr. 247 и 320, сопоставилъ его *sew-* съ *siv-* въ лат. *sivēns* «поросенокъ»; встрѣчаются вѣдь въ нашихъ памятникахъ нѣкоторыя формы съ *e* вмѣсто ожидаемаго *i*¹⁾, указывая на открытое произношеніе пр. *i*. Траутманъ же Altpr. Spr. 425 сл., ссылаясь на мою статью BB. XXVII, 320, по которой лат. *sivēns* восходитъ къ *su-vēns*, отрицаетъ тожество пр. *sew-* съ лат. *siv-* и предлагаетъ читать вмѣсто *seweynis*—*suweynis* или возводитъ его къ **sweynis*; но то и другое представляется одинаково рискованнымъ. Лат. *sivēns*, правда, восходитъ къ *su-vēns*, но что намъ мѣшаетъ возводить къ *suw-* также пр. *sew-* (= *siv-*)? Есть, правда, нѣсколько прусскихъ формъ съ *-uw-*: *insuwis* «языкъ», *kruwis* «паденіе» отъ *krūt* «пасть» (можетъ быть съ долгимъ *u*, ср. лит. *bũvis* «пребываніе» отъ *būti* «быть») и *schuwikis* (можетъ быть, съ *ū*) «сапожникъ». Въ Эльбингскомъ словариѣ (откуда взято и *seweynis*) я нашелъ только эти формы съ *-uw-*; изъ катехизисовъ же, говоръ которыхъ отличается отъ говора словарика, можно еще прибавить: *buwinaiti* (какъ вѣроятно слѣдуетъ читать вмѣсто *buwinanti*) «живите» (можетъ быть, съ *ū*), *druwis* «вѣра» и *druwīt* «вѣрить» съ производными формами (3 раза со знакомъ долготы надъ *u*; если этотъ знакъ

¹⁾ Бернекеръ и Траутманъ однако относятъ сюда также нѣсколько формъ, въ которыхъ, можетъ быть, имѣется старое *e*.

правильно поставленъ, то можно думать о фонетическомъ удлинении *и* передъ *w*, о которомъ ср. KZ. XLIII, 40 сл.; если же это такъ, то формы съ *drow-* могутъ имѣть *-ow-* не вмѣсто *-uw-*, но изъ *-ouuw-* изъ *-ūw-*, ср. причастіе *taikowuns* съ *-ow-* изъ *-ouuw-* изъ *-ū-*). Но и въ латышскомъ языкѣ, какъ я указалъ ВВ. XXVII, 319 слл., въ однихъ и тѣхъ же говорахъ рядомъ съ формами съ *iv* изъ *uw* являются формы съ *iw*! Относительно пр. *insuwis* еще слѣдуетъ имѣть въ виду, что оно восходитъ къ старой основѣ *inzu-*, такъ что сохраненіе *uw* не было бы удивительно. И въ пользу того, что по крайней мѣрѣ въ части прусскихъ говоровъ *uw* дѣйствительно перешло въ *iv*, говоритъ еще и слѣдующее обстоятельство. Въ литовскомъ говорѣ Слонимскаго уѣзда, гдѣ согласно свидѣтельству лѣтописца (ср. Wolter Mitt. d. lit. litter. Ges. IV, 166 слл.) въ 1276 г. поселились изгнанные нѣмцами пруссы, мы находимъ (I. с. 168) *iv* вмѣсто *uw* въ словахъ *brivai* «брови» и *žives* «рыбы» (прусское вліяніе вѣроятно сказывается также въ *z* вмѣсто лит. *ž* въ словѣ *zasis* «гусь», какъ вѣроятно слѣдуетъ читать вмѣсто *zasis*), тогда какъ изъ прочихъ литовскихъ говоровъ я пока не знаю перехода *uw* въ *iv*. — Передъ гласными задняго ряда мы находимъ *ew* въ *widdewū* (1×) «вдова» съ dat. pl. *widdewūmans* (1×), гдѣ *e* считается передачею неударяемаго *a* (ср. Trautmann I. с. 101), но, можетъ быть, въ этомъ *e* сказывается нѣмецкое вліяніе, ср. средневрхн. *witewe*. Въ словѣ же *weware* «бѣлка» передъ *w* вѣроятно было долгое *ē*, ср. однозначая лит. *coverė*, лат. *vāvere* и црксл. *въверица*. Во второмъ катехизисѣ, наконецъ, имѣется *neuwēnen* «новое» (при *nawans* въ I катехизисѣ), но въ этомъ памятникѣ мы находимъ *e* вмѣсто ожидаемаго *a* еще и въ другихъ положеніяхъ, ср. Trautmann I. с. 101 слл. Что касается славянскихъ языковъ, то Фортунатовъ (ср. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. I, 708) доказывалъ сохраненіе въ нихъ *ew* передъ гласными передняго ряда словами праслав. **devęť* (и **devęťz*), **revęťi* и **nevęsta*. Но вмѣсто **revęťi* въ праславянскомъ существовало, можетъ быть (ср. црксл. *рѣвъ*), только **ręvēti*; а въ **nevęsta*, какова бы ни была этимологія этого слова, начальное *ne-* могло казаться тождественнымъ съ отрицаніемъ **ne*, такъ что до-

казательная сила его не велика. Немного важнѣе въ данномъ вопросѣ указанное Прусиномъ KZ. XXXIII, 160 сл. ч. *nevěsil* (рядомъ съ *devěsil*) и серб. *nevěsil* (при *devěsil*), «herba quaedam»; если сознавалась связь *-sil* (*-sil'*) съ существительнымъ *sila* (*sīla*), то первая часть, можетъ быть, менѣе напоминала отрицаніе. Затѣмъ Погодинъ (Слѣды корней — основъ 219 сл.) указалъ на р. олон. *нѣсенный* «худой». Но больше всего значенія я придаю формамъ црксл. *древѣ* (формѣ сравнительной степени) «прежде» и *древнѣ* или (подъ вліяніемъ *древѣ*) *древнѣнѣ* «древнѣй». Тѣ ученые, которые не признаютъ сохраненія *ev* передъ гласными передняго ряда (какъ, наприм., Вондракъ), устраняютъ свидѣтельство этого слова ссылкой на неизвѣстность его происхожденія или предположеніемъ, что вмѣсто *древ-* правильнѣе было бы писать *дрѣв-*. Я бы предложилъ слѣдующую этимологію. Значеніе «древнѣй», вѣроятно, получилось изъ значенія «старый»; ср. наприм. лит. *sėnas* «старый», *sėnis* «старикъ»: лат. *senes* «древнѣй». Понятіе же «старый» иногда развивается изъ понятія «крѣпкій, твердый»: ср. съ црксл. *старъ* лит. *stóras* «толстый», прагерм. *stōr(i)a-* «gross, stark» (у Фика Vergl. Wrtb. III⁴, 479). «Старыми» первоначально, очевидно, назывались взрослые въ противоположность слабымъ дѣтямъ, ср. еще гот. *alþeis* «старый» (: латинск. *altus* «высокій»); *alan* «взрастать». Имѣя въ виду эти параллели, я считаю возможнымъ производить формы *древѣ* и *древнѣнѣ* изъ иде. **dreǵos* «крѣпкій, твердый», откуда гот. *triggvs* «вѣрный» и др., ср. гр. *δροόν· ἰσχυρόν* у Гесихія и Osthoff Etymol. Par. I, 138 сл. Но правильна ли моя этимологія или нѣтъ, отъ этого доказательная сила самого слова не мѣняется: нельзя съ нимъ не считаться только на томъ основаніи, что его этимологія неизвѣстна. Предположеніе же, что вмѣсто *древ-* слѣдуетъ писать *дрѣв-* и само по себѣ не очень заманчиво, пока мы изъ текстовъ знаемъ только *древ-*, и кромѣ того невѣроятно и потому еще, что сочетаніе *drjo-* не походитъ на прочія предполагаемые нами звукосочетанія индоевропейскаго праязыка. Рѣшительно было бы доказано, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ *drev-*, а не съ *dřev-*, если бы дѣйствительно рядомъ имѣлись славянскія формы, восходящія къ праслав. *drěv-*,